

МЕНТОВСКИЕ БУДНИ

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Мария Марцева

Мария Марцева

**Ментовские будни.
Без вести пропавший**

«Автор»

2026

Марцева М.

Ментовские будни. Без вести пропавший / М. Марцева —
«Автор», 2026

Старший оперуполномоченный Александр Воронцов восемнадцать лет не верит в справедливость — только в работу. Никаких иллюзий, циничный юмор, сигарета на морозе и напарник Игорь Григорьев, молодой юрист с красным дипломом МГУ. Вместе они распутывают дела, в которых нет простых ответов. Три истории, три расследования. Чужая кровь на мокром асфальте у ночного клуба обернётся трагедией о мести за погубленную сестру. Кража документов из нотариальной конторы выведет на организованную банду «чёрных риелторов», охотящихся на одиноких стариков. А исчезновение таксиста с тёмным прошлым инкассатора раскроет схему пятилетней давности — и приведёт Воронцова к делу, которое касается его самого. Реалистичный полицейский детектив в традициях лучших российских криминальных сериалов. Здесь закон и справедливость не всегда совпадают, виновный может оказаться потерпевшим, а каждое раскрытое дело оставляет след на душе того, кто его вёл.

© Марцева М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧУЖАЯ КРОВЬ	5
ГЛАВА 1. ЧУЖАЯ КРОВЬ	5
ГЛАВА 2. ГРУППА КРОВИ	9
ГЛАВА 3. ОХРАННИК МОЛЧИТ	13
ГЛАВА 4. КАВКАЗСКИЙ СЛЕД	17
ГЛАВА 5. СВОДКИ БОЛЬНИЦ	20
ГЛАВА 6. ПОДПОЛЬНЫЙ ХИРУРГ	24
ГЛАВА 7. ИСТИННЫЙ ПОСТРАДАВШИЙ	28
ГЛАВА 8. ЗАКАЗ ИЛИ СЛУЧАЙНОСТЬ	32
ГЛАВА 9. ПАПА ВСЁ РЕШИТ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Мария Марцева

Ментовские будни. Без вести пропавший

ЧУЖАЯ КРОВЬ

ГЛАВА 1. ЧУЖАЯ КРОВЬ

Осень в этом году выдалась мерзкая. Не та красивая, с золотыми листьями и хрустящим воздухом, какую рисуют на открытках, а другая — серая, сырая, с холодным дождём, который сыпал, не переставая третьи сутки подряд. Александр Сергеевич Воронцов стоял под козырьком ночного клуба «Палладиум», курил уже третью сигарету и думал о том, что за восемнадцать лет службы он так и не привык к одному — к запаху крови на мокром асфальте.

— Александр Сергеевич, — окликнул его Григорьев, выходя из дверей клуба. Молодой, подтянутый, в аккуратном плаще, который он зачем-то надел на работу, будто шёл не на место происшествия, а на свидание. — Тут такое дело.

— Дело у нас всегда «такое», Игорь, — Воронцов выпустил дым в сторону. — Когда оно бывает «не такое»? Что там?

Игорь раскрыл блокнот. Он всё ещё вёл записи от руки, по старинке, хотя половина отдела давно перешла на телефоны.

— Потерпевший — мужчина, лет тридцати пяти. Колото-резанные раны, две, в область живота и груди. Скорая увезла минут сорок назад, состояние тяжёлое. Документов при нём не было.

— Не было или их сняли? — Воронцов прищурился.

— Думаю, второе. Бумажник на месте, деньги в нём есть, а вот паспорта, прав — ничего. Телефон тоже отсутствует.

Воронцов хмыкнул. Это была первая зацепка, хотя зацепкой её можно было назвать с натяжкой. Грабитель забрал бы деньги и бросил остальное. А тут наоборот — деньги оставили, документы унесли. Кто-то очень не хотел, чтобы личность потерпевшего установили быстро.

— Где нашли?

— Вон там, за углом, в проулке между клубом и трансформаторной будкой. Дворник наткнулся в полшестого утра, когда мусор выносил. Хорошо, что вообще наткнулся — там темно, парень лежал за контейнерами.

Они прошли за угол. Криминалист, пожилой молчаливый Семёныч, сидел на корточках над тёмным пятном на асфальте и что-то сосредоточенно рассматривал через лупу. Дождь смыл бы всё подчистую, если бы не козырёк, нависавший над этой частью проулка. Повезло. Хоть в чём-то.

— Семёныч, обрадуй старика, — Воронцов присел рядом, морщась от боли в коленях. Возраст, будь он неладен. — Что тут у нас?

— У нас тут, Саша, две лужи, — не оборачиваясь, ответил криминалист. — И это самое интересное.

— В смысле — две?

Семёныч ткнул пальцем в перчатке сначала в одно пятно, потом в другое, метрах в полутора друг от друга.

— Вот это — большая, обильная. Это твой потерпевший, которого увезли. А вот это — поменьше. Но она тоже свежая, тоже сегодняшняя. И вот что я тебе скажу: кровь разная. Я уже взял образцы, в лаборатории подтвердят, но даже на глаз — структура отличается. Здесь,

— он показал на меньшее пятно, — следы артериальные, брызги характерные. Кто-то получил серьёзное ранение и стоял вот тут, у стенки. А потом ушёл. Своими ногами или его увели — не знаю.

Воронцов медленно поднялся и оглядел проулок. Картина в голове начала складываться, и она ему не нравилась.

— То есть драка была не один на один. Их было как минимум двое раненых.

— Минимум, — кивнул Семёныч. — И второй тоже хорош получил. С такой кровопотерей далеко не уйдёшь без помощи.

Григорьев нахмурился, делая пометки.

— Александр Сергеевич, я с утра обзвонил приёмные покои. Все городские больницы, травмпункты. С ножевыми за ночь поступил только наш потерпевший. Больше никого.

— Логично, — Воронцов снова закурил, хотя только что бросил окурочек. — Если второй фигурант ранен и нигде не всплыл, значит, либо он уже в морге где-нибудь под кустом, либо его лечат там, где не задают вопросов. И второе мне нравится куда больше. Морги мы проверим, но чует моё сердце — этот гражданин жив и зашит.

— Подпольный медик? — Игорь поднял глаза.

— А ты как думаешь? Человек с распоротым боком не пошёл в больницу. Почему? Потому что в больнице — обязательное уведомление в полицию по факту ножевого. А ему этого не надо. Значит, ему есть что скрывать. И вот этот второй, Игорёк, мне интереснее, чем тот, кого увезли. Потому что раненый, который прячется, — это уже не жертва. Это участник.

Они вернулись ко входу в клуб. У дверей переминался с ноги на ногу здоровенный детина в чёрной форме охраны — бритый затылок, бычья шея, руки как у грузчика. На бейдже значилось «Руслан». Но Воронцова интересовало не имя. Его интересовали руки этого Руслана. А руки эти заметно подрагивали, и парень то и дело засовывал их в карманы, чтобы скрыть дрожь.

— Ты в эту ночь дежурил? — без предисловий спросил Воронцов.

— Я, — буркнул охранник, глядя куда-то в сторону.

— И как же так вышло, дорогой, что у тебя под боком человека ножом пырнули, а ты ничего не видел?

— Ничего не видел, — повторил Руслан, как заученное. — Я на входе стоял. Что в проулке делается — мне не видно. Там камер нет, там территория не наша.

Воронцов медленно обошёл его кругом, разглядывая, как покупатель разглядывает товар на рынке.

— Руслан, а скажи мне, дружище, чего у тебя руки трясутся? Холодно? Так зайти погрейся. Или, может, ты вчера лишнего принял на грудь? На рабочем-то месте?

— Не пил я, — охранник сжал кулаки в карманах. — Просто... не спал сутки. Устал.

— Устал он, — Воронцов повернулся к Григорьеву и развёл руками с театральным сочувствием. — Игорь, ты слышал? Человек устал. Запиши: свидетель устал, поэтому проспал поножовщину в трёх метрах от своего поста.

Игорь сдержанно кивнул, но Воронцов видел — напарник тоже всё понял. Охранник врал. Врал плохо, как врут люди, которым страшно. И страх этот был не тот, что от усталости. Это был страх человека, которому есть чего бояться.

— Ладно, Руслан, — Воронцов вдруг сменил тон на почти дружеский. — Иди отдыхай. Но из города не уезжай. Мы ещё с тобой по душам поговорим. Когда ты выспишься и руки перестанут трястись.

Когда охранник скрылся за дверью, Игорь повернулся к старшему.

— Он точно что-то видел.

— Видел, конечно, — Воронцов смотрел вслед ушедшему. — Может, и не всё, но видел. И, скорее всего, в этом и поучаствовал — не ножом, так бездействием. Знаешь, что меня сму-

щает? Эти ребята на входе обычно при любой движухе первыми лезут разнимать. У них работа такая. А этот — стоял и смотрел. Или ему велели стоять и смотреть. И вот за «велели» он сейчас и трясётся.

В этот момент к ним подошёл администратор клуба — лысоватый суетливый мужчина в дорогом, но мятом костюме, с лицом человека, у которого вот-вот случится сердечный приступ от количества проблем.

— Товарищи, я вам так скажу, — затараторил он, не дожидаясь вопросов. — Это всё приезжие. Кавказцы. У нас тут вчера компания гуляла, человек шесть, шумные такие, при деньгах. С местными чуть не сцепились ещё в зале. Я думаю, они и порезали кого-то. Точно они.

Воронцов выслушал, не перебивая, потом достал блокнот.

— Имена есть? Документы при бронировании?

— Откуда документы? Наличными платили. Но я их в лицо запомню! Один такой, с бородкой, в кожаной куртке...

— Конечно, — Воронцов закрыл блокнот. — Кавказцы. Всегда они. Как что — сразу приезжие виноваты. Удобно, я понимаю. Только вот незадача, уважаемый: компания ваша шумная сцепилась с местными в зале, при свидетелях, при камерах. А резали человека за углом, в темноте, тихо, без свидетелей и без камер. Это две разные истории. Тот, кто орёт и машет кулаками в зале, обычно не идёт потом методично потрошить человека ножом в проулке. Это делают холодные люди. А ваши горячие.

Администратор открыл рот, чтобы возразить, но Воронцов уже отвернулся.

— Камеры покажите. Все, что есть. И в зале, и на входе, и со двора, если имеются.

Через двадцать минут они сидели в тесной душной комнатухе охраны, где монитор показывал зернистую запись с десятка камер. Воронцов мотал плёнку, вглядываясь в мельтешащие фигуры. Игорь стоял за плечом.

— Вот, смотри, — Воронцов остановил кадр. Время на записи — два пятнадцать ночи. — Вот эта компания, про которую администратор пел. Шесть человек. Гуляют, да, шумно. А вот... — он промотал вперёд, — в три ноль две они уходят. Все шестеро. На такси садятся, вон, машина подъехала. Уехали. А поножовщина, по словам Семёныча, случилась ближе к четырём. Их уже тут не было.

— Значит, не они, — кивнул Игорь.

— Значит, не они, — согласился Воронцов и продолжил мотать. — А теперь смотрим, что было ближе к четырём.

Он остановился на новом кадре. Камера, направленная на вход, захватывала краешек того самого проулка. В три сорок восемь в кадре появился мужчина — тот самый потерпевший, которого увезла скорая. Он шёл не как пьяный из клуба. Он шёл целенаправленно, оглядываясь, явно кого-то ожидая или ища. И свернул в проулок.

— Видишь, как идёт? — Воронцов ткнул в экран. — Это не загулявший посетитель. Это человек, который пришёл на встречу. И пришёл туда, где темно и нет камер. Сознательно.

— А второй?

Воронцов промотал ещё немного. И вот — в три пятьдесят две в кадр на секунду попала ещё одна фигура. Высокий парень в светлой куртке, с капюшоном, надвинутым на лицо. Он тоже свернул в проулок. А потом — пустота. Камера дальше не доставала.

— А вот и наш второй, — тихо сказал Воронцов. — Тот, что в куртке. Запомни эту куртку, Игорь. Светлая, дорогая на вид. И заметь — он лицо прячет под капюшоном. На улице дождь, оно понятно. Но капюшон он надвинул ещё за углом, до проулка. Человек не хотел, чтобы его сняли. Знал про камеру.

Игорь записывал быстро, аккуратным почерком.

— Получается, картина такая: потерпевший пришёл на встречу. Пришёл и второй, который скрывал лицо. В проулке между ними что-то произошло. Оба ранены. Потерпевшего нашли, второй ушёл. Это не пьяная драка.

— Молодец, — Воронцов хлопнул напарника по плечу. — Видишь, не зря тебя в МГУ учили. Это не драка. Драка — это когда стенка на стенку, спьяну, по глупости. А тут — встреча. Назначенная. И встреча, которая пошла не по плану для всех её участников. Кто-то кого-то хотел убрать, а получил сам. Или они друг друга. Вот это нам и надо распутать.

Он встал, потянулся, хрустнув спиной.

— План такой. Ты, Игорь, садишься на телефон и личность нашего потерпевшего устанавливаешь. Скорая увезла без документов — значит, дактилоскопию, ориентировку по приметам, всё как положено. Кто он, такой красивый, что на тёмные встречи в четыре утра ходит. А я займусь вторым. Тем, что в светлой курточке и с дыркой в боку.

— Подпольный медик?

— Подпольный медик, — кивнул Воронцов, надевая мокрую куртку. — В этом городе таких эскулапов раз-два и обчёлся. Тех, кто за наличку без лишних вопросов залатает кого угодно. Я парочку знаю по старым делам. Поеду, навещу. Глядишь, кто и зашивал сегодня под утро гражданина с распоротым боком в дорогой куртке.

Они вышли на улицу. Дождь не прекращался. Воронцов посмотрел на серое небо, на мокрый асфальт, на жёлтую ленту оцепления, трепещущую на ветру, и закурил снова.

— Знаешь, что мне в этом деле не нравится, Игорь? — сказал он, не глядя на напарника.

— Что?

— Что всё слишком чисто обставлено. Документы у потерпевшего сняли. Второй лицо прятал, про камеры знал. Охранник трясётся, но молчит. Администратор стрелки на приезжих переводит. Это не случайность, Игорь. Это кто-то аккуратно замечает следы. А когда следы замечают так старательно, значит, за ними прячется что-то крупное. И мы с тобой только что в это крупное вляпались по самые уши.

Он бросил недокуренную сигарету в лужу.

— Поехали. Чую, спать нам сегодня не придётся.

Они сели в потрёпанную служебную машину. Воронцов завёл двигатель, который, как и хозяин, кашлянул, поворчал, но всё-таки заработал. Где-то в этом городе истекал кровью человек, которого зашивали чужие руки за чужие деньги. Где-то лежал в реанимации потерпевший без имени. И где-то уже потирал руки тот, кто всё это устроил, уверенный, что чужая кровь на мокром асфальте никогда не приведёт к нему.

«Ну-ну, — подумал Воронцов, выруливая со двора. — Посмотрим».

ГЛАВА 2. ГРУППА КРОВИ

Лаборатория встретила Воронцова привычным запахом — смесью реактивов, спирта и чего-то неуловимо больничного, отчего у него всегда сводило скулы. Он не любил это место. Не потому, что брезговал — за восемнадцать лет он навидался такого, что брезгливость отшибло начисто. А потому что здесь, среди пробирок и микроскопов, любое дело переставало быть человеческой историей и превращалось в набор цифр, формул и заключений. А Воронцов всё ещё, дурак старый, верил, что за каждым делом стоят живые люди.

— Лидия Петровна, голубушка, — пропел он с порога, изобразив самую обаятельную из своих помятых улыбок. — Чем порадуешь старого опера?

Эксперт, сухоощавая женщина лет шестидесяти в очках с толстыми стёклами, даже не подняла головы от бумаг.

— Воронцов, ты опять куришь в коридоре под табличкой «Не курить»?

— Никак нет, — соврал он, незаметно пряча руку с запахом табака за спину. — Завязал.

— Третий год завязываешь. — Она наконец оторвалась от стола и сняла очки. — Ладно. По твоей поножовщине у «Палладиума» есть результаты. И они, как ты любишь, неоднозначные.

Воронцов придвинул стул, сел. В этот момент в дверь протиснулся Григорьев — слегка запыхавшийся, с папкой под мышкой.

— Опоздал? — спросил он.

— Как раз вовремя, — Воронцов кивнул на свободный стул. — Лидия Петровна сейчас будет нас просвещать. Слушай и учись, юное дарование.

Эксперт разложила перед ними два бланка с заключениями.

— Итак. Семёныч прислал два образца крови с места происшествия. Большое пятно и малое. Я их прогнала. Большое пятно — это кровь вашего потерпевшего, того, кого увезли в реанимацию. Группа первая, резус положительный. Самая распространённая, ничего интересного. А вот малое пятно... — она постучала пальцем по второму бланку, — это уже любопытно. Группа четвёртая, резус отрицательный.

— И что это нам даёт? — Игорь подался вперёд.

— А то, молодой человек, что четвёртая отрицательная — это самая редкая группа крови. Её носит примерно один процент людей. Один из ста. — Лидия Петровна позволила себе лёгкую, почти кокетливую усмешку. — Так что ваш второй фигурант, тот самый, что ушёл с распоротым боком, — человек, можно сказать, штучный. Если он где-то всплывёт — в больнице, в морге, на станции переливания, — мы его по этой крови сразу опознаем. Иголка в стоге сена, но иголка приметная.

Воронцов хмыкнул, разглядывая бланк.

— Один из ста, значит. Уже неплохо. А по самой крови ещё что-нибудь скажешь? Может, алкоголь, наркотики?

— А вот тут самое интересное, Саша. — Лидия Петровна снова надела очки и заглянула в бумаги. — В крови второго — малого пятна — обнаружены следы препарата. Не наркотик. Лекарство. Сильное, рецептурное. Из тех, что прописывают при серьёзных проблемах с сердцем. Конкретно — антиаритмическое. Такое здоровому молодому человеку просто так не назначат. Это лекарство принимают люди с диагнозом. Постоянно, курсом.

Воронцов и Григорьев переглянулись.

— То есть наш второй, который в светлой курточке капюшон натягивал и по тёмным проулкам в четыре утра шастал, — это сердечник? — медленно проговорил Воронцов. — Молодой парень с больным сердцем?

— Выходит, так, — кивнула эксперт. — По крайней мере, человек, который регулярно принимает серьёзный сердечный препарат. И вот ещё что. Это лекарство — оно не из дешёвых аптечных. Импортное, дорогое, по особым рецептам. Не каждая аптека держит. Так что, если будешь искать — ищи человека не бедного. Малоимущий пенсионер такое не пьёт, ему по карману не будет.

— Богатый молодой сердечник, — Воронцов потёр подбородок, заросший к вечеру колючей щетиной. — Это уже портрет, Игорь. Это уже не «второй неизвестный», а вполне конкретная фигура. Молодой, при деньгах, с больным сердцем, с редкой кровью. Таких в городе — раз-два и обчёлся.

Григорьев раскрыл свою папку.

— Александр Сергеевич, а у меня по нашему потерпевшему кое-что есть. По тому, что в реанимации.

— Давай, — оживился Воронцов. — Установил личность?

— Частично. — Игорь разложил листки. — Дактилоскопия дала совпадение. Потерпевший — Соколов Дмитрий Аркадьевич, сорок один год. И знаете, что интересно? Он у нас в базе не как добропорядочный гражданин. Две судимости. Первая — давняя, по молодости, за вымогательство. Вторая — посвежее, за нанесение тяжких телесных. Условный срок. Так что человек наш с криминальным прошлым, и прошлым весьма характерным.

— Силовик, — кивнул Воронцов. — Из тех, кто кулаками да угрозами вопросы решает. Выбивала, коллектор, охранник или просто бандит средней руки. Вымогательство, тяжкие телесные — это всё одна песня. Человек привык работать руками. И, судя по всему, доработался — сам на нож налетел. Где он сейчас? Что врачи говорят?

— Состояние тяжёлое, но стабильное, — ответил Игорь. — Без сознания. Врачи говорят, когда придёт в себя — неизвестно. Может, завтра, может, через неделю. Допросить пока нельзя.

— Жаль, — Воронцов поморщился. — Самый ценный свидетель — и тот в отключке. Ну, ничего. Зато у нас вырисовывается занятная парочка. С одной стороны — Соколов, битый-перебитый силовик с двумя ходками. С другой — молодой богатый мальчик с больным сердцем, который этого силовика, похоже, и располосовал. И сам схлопотал.

Он поднялся, прошёлся по тесной лаборатории, заложив руки за спину.

— Смотри, как складывается, Игорь. Что общего может быть у битого бандита и у богатого сердечника? Зачем им встречаться в четыре утра в тёмном проулке за клубом? Не водку же пить, для этого светлые места есть. Они встречались по делу. По такому делу, которое нельзя обсуждать при свидетелях и при свете.

— Может, долг? — предположил Григорьев. — Соколов — вымогатель, выбивала. Мог прийти выбивать долг с этого молодого. А тот не захотел отдавать — и пырнул.

— Версия рабочая, — кивнул Воронцов. — Но не единственная. А может, наоборот — это молодого послали разобраться с Соколовым. Или они оба — пешки, а игру вели другие. Знаешь, что меня смущает? Богатый мальчик с больным сердцем обычно не ходит сам резать людей ножом в проулках. Для этого нанимают таких, как Соколов. А тут он сам полез. Значит, либо припекло очень сильно, либо его загнали в угол так, что деваться было некуда.

Лидия Петровна, слушавшая их разговор, кашлянула.

— Саша, я тебе ещё одну деталь не сказала. Раз уж ты тут версии строишь. На ноже-то следов нет — нож вы не нашли. Но по характеру ран Семёныч сделал вывод: их наносили двумя разными предметами.

Воронцов резко обернулся.

— Это как?

— А так. — Эксперт пожала плечами. — У Соколова, потерпевшего, две раны — в живот и в грудь. Они нанесены клинком с узким лезвием. Что-то вроде стилета или тонкого ножа. А

вот рана второго, по которой осталась кровь на стенке, — судя по характеру брызг и количеству крови, это рубленая или широкая колотая рана. Другое оружие. Более грубое, широкое.

— То есть у них было два разных ножа, — медленно проговорил Воронцов. — Каждый пришёл со своим. Это не спонтанная драка, когда схватили что под руку попало. Это два человека, которые шли на встречу вооружёнными. Каждый — со своим инструментом. И каждый — готовый пустить его в ход.

Григорьев записывал, не поспевая за мыслью старшего.

— Получается, они оба знали, что встреча может закончиться кровью. И оба к этому готовились.

— Именно, — Воронцов остановился у окна, за которым по-прежнему лил дождь. — Это не должники не поделили деньги. Это два человека, которые шли убивать друг друга. Или, по крайней мере, готовые убить, если что-то пойдёт не так. И что-то пошло не так — для обоих. Соколов в реанимации, второй прячется где-то с дыркой в боку. Никто не выиграл.

Он закурил прямо в лаборатории, и Лидия Петровна укоризненно покачала головой, но смолчала — знала, что бесполезно.

— Лидия Петровна, родная, — Воронцов выпустил дым в приоткрытую форточку. — А это сердечное лекарство — оно как долго держится в крови? Я к тому, что наш второй его принимает регулярно. Значит, после ранения, когда его латали, он не мог не упомянуть медику про своё сердце. Иначе помрёт под скальпелем. Понимаешь, к чему клоню?

Эксперт улыбнулась.

— Понимаю, хитрец. Если человека с таким диагнозом зашивали кустарно, без больницы, то тот, кто зашивал, должен был знать про его сердце. Иначе была бы беда. Любая операция, даже простое зашивание, — стресс для организма. А с больным сердцем под таким стрессом можно и концы отдать. Грамотный врач обязательно бы учёл препарат, подобрал бы обезболивание поосторожнее.

— Вот! — Воронцов ткнул сигаретой в воздух. — Значит, тот, кто его латал, — не коновал какой-нибудь, не ветеринар спьяну. Это человек с медицинским образованием, который понимал, с кем имеет дело. Который знал про сердце и действовал аккуратно. Это сужает круг, Игорь. Подпольных коновалов в городе много, а вот настоящих врачей, которые подрабатывают нелегальной хирургией и при этом разбираются в кардиологии, — единицы.

Он повернулся к напарнику.

— Меняем план. Я думал по всем подпольным медикам ехать — по списку, наугад. А теперь буду искать конкретного. Того, кто умеет работать с сердечниками. Бывший хирург, кардиолог, может, из тех, кого из больницы поперли за пьянку или за что похуже, а руки-то остались. Такой возьмёт дорого, но сделает чисто и не убьёт пациента с больным сердцем. Богатый мальчик мог себе такого позволить.

— А я? — спросил Григорьев.

— А ты, Игорёк, копаешь Соколова. Всю его жизнь. С кем работал в последние годы, на кого, кого выбивал, кому угрожал. Условный срок за тяжкие — там должно быть дело, потерпевший, обстоятельства. Меня интересует, на кого он в последнее время работал. Такие, как он, сами по себе не действуют — они всегда чьи-то руки. Найди мне хозяина этих рук. И тогда мы поймём, на какую встречу он шёл в четыре утра, и кто его туда послал.

Лидия Петровна собрала бланки в аккуратную стопку.

— Заключение я вам распечатаю, заберёте на выходе. И, Саша... — она помедлила, глядя на него поверх очков. — Эта четвёртая отрицательная, редкая группа, плюс дорогое сердечное лекарство — это всё про человека непростого. Богатого. А ты сам говорил — где богатые, там и связи. Будь поаккуратнее. Чует моё сердце, ты опять во что-то лезешь, куда лучше бы не лезть.

Воронцов усмехнулся, затушил сигарету о подоконник.

— Лидия Петровна, я во что-то, куда не надо лезть, лезу всю свою сознательную жизнь. Восемнадцать лет. Иначе бы давно в начальниках ходил, в кабинете с кондиционером сидел. А я вот, видишь, по дождю мотаюсь, коновалов подпольных ищу. — Он подмигнул. — Такая судьба. Спасибо за работу, родная. С меня шоколадка.

— Коньяк, — отрезала эксперт. — За такую редкую кровь — коньяк, не меньше.

— Договорились.

Они с Григорьевым вышли в коридор. Воронцов на ходу просматривал заключение, морща лоб.

— Знаешь, Игорь, — сказал он, остановившись у выхода и глядя на серое мокрое небо за стеклянной дверью. — Мне это дело всё меньше нравится. Сначала я думал — обычная поножовщина у клуба, пьяная разборка. А оно вон как разворачивается. Битый бандит с двумя ходками. Богатый мальчик с больным сердцем и редкой кровью. Два разных ножа. Назначенная встреча в глухом проулке без камер. Снятые документы. Подпольный медик-кардиолог. Это, Игорь, не уличная драка. Это что-то выстроенное. Спланированное. С двух сторон.

— И что нам это даёт? — спросил Григорьев.

— Это даёт нам понять, что мы влезли в чужую войну, — Воронцов толкнул дверь, и в лицо ударил холодный сырой ветер. — Двое сцепились не на жизнь, а на смерть. Один лежит в реанимации, второй прячется. А мы с тобой посередине. И наша задача — не просто найти того, кто кого пырнул. Наша задача — понять, из-за чего эти двое готовы были друг друга на куски порезать. Потому что вот за этим «из-за чего» — и стоит вся правда.

Он поднял воротник, защищаясь от дождя, и зашагал к машине.

— Поехали. Ты — к архивам по Соколову. Я — к коновалам. Встречаемся вечером в отделе, сверим часы. И, Игорь... — он обернулся. — Если на тебя в этих архивах вдруг начнут странно смотреть, когда фамилию Соколова услышат, — это хороший знак. Значит, тёплое место нащупал. Запоминай, кто как реагирует. В нашем деле чужой испуг — лучший компас.

Машина, как всегда, завелась не с первого раза. Воронцов похлопал по приборной панели, как по холке старой лошади, и наконец тронулся с места. Где-то в городе прятался богатый мальчик с дыркой в боку и больным сердцем. Где-то в реанимации боролся за жизнь битый бандит. А между ними — тонкая, как лезвие стилета, ниточка правды, которую Воронцову предстояло вытянуть. И он знал по опыту: чем тоньше ниточка, тем больше она режет пальцы тому, кто пытается её ухватить.

«Один из ста, — думал он, выруливая на мокрую дорогу. — Редкая кровь. Ну что ж, господин хороший. Будем тебя искать по капле».

ГЛАВА 3. ОХРАННИК МОЛЧИТ

Воронцов не поехал к коновалам сразу. Он вообще редко делал то, что планировал вслух, — привычка, выработанная годами. Если хочешь, чтобы человек расслабился, скажи ему, что едешь в одну сторону, а сам поверни в другую. И потому, отъехав от лаборатории пару кварталов, он развернул свою дребезжащую машину обратно — к «Палладиуму».

Был уже полдень, клуб днём выглядел жалко и буднично, как актриса без грима. Облезлая вывеска, потёртый вход, переполненные урны. Ночная мишура исчезла, остался серый бетон и лужи. Воронцов припарковался напротив и закурил, наблюдая за служебным входом с торца здания.

Расчёт оправдался через двадцать минут. Из боковой двери вышел тот самый Руслан — без формы, в спортивной куртке, ссутулившийся, с сигаретой в зубах. Сменился, видать. Огляделся по сторонам нервно, как человек, который ждёт неприятностей, и быстрым шагом двинулся в сторону остановки.

Воронцов выждал, пока охранник отойдёт от клуба метров на двести — подальше от глаз администрации и камер, — и только тогда тронулся следом. Поравнялся, опустил стекло.

— Руслан! Какая встреча. Садись, подвезу.

Охранник вздрогнул, обернулся. Лицо его при виде Воронцова сделалось серым.

— Я... мне тут недалеко.

— Садись, садись, — Воронцов улыбнулся почти ласково, но в голосе лязгнул металл. — Поговорим по-человечески. Без администратора, без камер, без начальства. Просто два мужика в машине. Или хочешь, чтобы я тебя в отдел повесткой потащил, при всех? Тебе ж потом на работе вопросы задавать будут.

Руслан помялся, но открыл дверь и тяжело опустился на пассажирское сиденье. Машина просела под его весом. От него пахло табаком и потом — нервным, кислым потом испуганного человека.

Воронцов не торопился. Проехал немного, свернул во двор, заглушил мотор. Достал пачку, протянул охраннику.

— Кури, чего там. Свою эконошь.

Руслан взял сигарету. Пальцы у него по-прежнему дрожали, и прикурить с первого раза он не смог. Воронцов щёлкнул зажигалкой, дал огонька. Эта маленькая услуга — почти отеческая — будто на секунду сбила с парня настороженность.

— Вот что, Руслан, — спокойно начал Воронцов, глядя не на охранника, а в лобовое стекло, на серый двор. — Я тебе сейчас расскажу, как я вижу эту ночь. А ты слушай и поправляй, если сойду. Лады?

Охранник молчал, затягиваясь.

— Стоял ты на входе. Часа в четыре утра, может, чуть раньше, к клубу подошёл человек. Не из посетителей — этого ты раньше видел. Свернул в проулок, за угол. А следом — второй. В светлой куртке, капюшон надвинут. И вот тут начинается самое интересное. — Воронцов повернул голову, посмотрел охраннику прямо в глаза. — Потому что ты, дорогой, не мог их не заметить. Проулок — в трёх метрах от твоего поста. Двое мужиков ночью лезут в тёмную дыру за контейнеры. Любой нормальный охранник насторожится. А ты — нет. Ты сделал вид, что не видишь. Почему?

— Я не видел, — глухо повторил Руслан заученную фразу.

— Видел, — мягко возразил Воронцов. — И не просто видел. Тебе сказали не вмешиваться. Кто-то подошёл к тебе заранее и сказал: что бы тут ни происходило — стой и смотри в другую сторону. Может, денег сунул. А может, припугнул. Вот ты теперь и трясёшься. Не от усталости. От страха. Я этот страх, Руслан, за восемнадцать лет научился по запаху различать.

Охранник сжал сигарету так, что она хрустнула. Молчал.

— Понимаешь, в чём твоя беда? — Воронцов вздохнул, будто и впрямь сочувствуя. — Там, в проулке, один человек чуть не помер. В реанимации лежит, врачи бьются. Второй сбежал раненый. А ты стоял рядом и смотрел. По закону это знаешь, как называется? Это, дорогой мой, попахивает соучастием. Недонесение — это в лучшем случае. А если тот, в реанимации, помрёт — а он может помереть, — то ты у нас пойдёшь как пособник. Потому что мог предотвратить и не предотвратил. Сознательно.

— Я ничего не делал! — вырвалось у Руслана, и голос его сорвался.

— Вот! — Воронцов поднял палец. — «Ничего не делал». То есть видел, но не делал. Уже теплее. — Он смягчил тон. — Слушай, Руслан. Я ж не дурак и ты не дурак. Ты — мелкая сошка. Ты никого не резал, ты деньги получил за то, чтоб отвернуться. Так? Я по тебе вижу — ты бы и сам рад был не лезть в это всё. Влип по глупости, за пару тысяч. А расхлёбывать теперь — тебе. Один. Потому что те, кто это устроил, тебя и не вспомнят. Они о тебя ноги вытрут, если ты им станешь опасен. Понимаешь?

Охранник молчал, но Воронцов видел — слова бьют в цель. Парень был не злодей. Он был испуган, и страх его раздваивался: боялся тех, кто заплатил, и боялся теперь вот этого помятого опера, который говорил так буднично и так страшно.

— Давай так, — Воронцов закурил сам. — Я тебе не враг. Мне ты не нужен. Мне нужен тот, кто это всё затеял. Ты мне — пару слов, я тебя — забываю. Тебя в деле нет, ты свидетель, который «ничего толком не разглядел в темноте». Договорились? А упрёшься — пойдёшь паровозом. Выбирай.

Долгая пауза. Дождь барабанил по крыше. Наконец Руслан выдавил, не глядя на Воронцова:

— Подошёл ко мне один. Часа в три. Сунул денег. Сказал — будет встреча, не моё дело, стой на входе и не суйся за угол, что бы ни услышал. Я думал... думал, разборки какие-то деловые. Поговорят и разойдутся. Откуда я знал, что резать будут.

— Кто подошёл? Опиши.

— Не местный по виду. Лет тридцать, крепкий. С акцентом говорил. — Руслан замялся. — Кавказец вроде. Бородка такая, аккуратная. И ещё двое с ним маячили, у машины ждали. Чёрная машина, большая.

Воронцов внутренне насторожился, но виду не подал. Слишком уж гладко. Кавказец с бородкой — ровно то, про что заливал администратор. То ли и впрямь след, то ли кто-то очень старается, чтобы все смотрели именно в эту сторону.

— А тот, кого порезали, и тот, в светлой куртке, — они с этими кавказцами как-то были связаны? Кто из них с ними приехал?

— Не знаю, — Руслан мотнул головой. — Кавказцы эти ещё с вечера тёрлись, я их в зале видел. А эти двое — порезанный и тот, в куртке, — они отдельно пришли, позже. Я их с кавказцами вместе не видел.

— То есть, — медленно проговорил Воронцов, — кавказец заплатил тебе, чтоб ты отвернулся. А резались потом совсем другие двое. Интересно. Значит, кавказцы знали, что встреча будет, и хотели, чтоб ей никто не помешал. Они её, получается, обеспечивали. Охраняли. Но сами в проулок не лезли.

Руслан пожал плечами — мол, я сказал, что знаю.

— А когда всё кончилось? Что ты видел?

— Я слышал возню, — тихо сказал охранник. — Короткую. Вскрик. Потом из проулка вышел тот, в светлой куртке. Шатался. За бок держался, рукав в крови. Кавказцы его подхватили под руки, в машину запихнули и увезли. Быстро. А порезанный там остался лежать, за контейнерами. Они его не тронули. Бросили.

Вот это была уже золотая жила. Воронцов едва сдержался, чтобы не выдать интереса.

— Машина какая? Номер?

— Чёрный джип. Дорогой. Номер не разглядел, темно было, да я и не смотрел, мне же сказали — не смотреть. — Руслан поднял на опера затравленный взгляд. — Всё, начальник. Больше ничего не знаю. Богом клянусь. Я и так... если узнают, что я тебе настучал...

— Не узнают, — твёрдо сказал Воронцов. — От меня — не узнают. Но и ты язык за зубами держи. Никому. Понял? Ни администратору, ни друзьям, никому. Для всех ты «ничего не видел». Это и в твоих интересах, и в моих.

Он завёл машину.

— Куда тебя? На остановку?

— Ага.

Доехали молча. Уже выходя, Руслан замешкался, держась за дверцу.

— Начальник... а тот, в куртке. Он молодой совсем. Лицо я на секунду видел, когда капюшон сполз. Бледный, испуганный. Не похож он на бандита. Скорее... ну, мажор. Из тех, у кого папа всё купил.

Воронцов кивнул. Эта деталь идеально ложилась на то, что дала лаборатория. Молодой, богатый, бледный — сердечник с редкой кровью.

— Спасибо, Руслан. Иди.

Охранник захлопнул дверь и поспешил прочь, ссутулившись под дождём. Воронцов проводил его взглядом и закурил ещё одну.

Картина начинала проясняться, и проясняться нехорошо. Кавказцы — это не убийцы. Это охрана, обеспечение. Кто-то нанял их, чтобы расчистить место для встречи: подкупить охранника, проследить, чтоб не помешали, а потом вывезти своего раненого. Своего. Значит, парень в светлой куртке был под их защитой. Его берегли. А вот Соколова, битого бандита, бросили подыхать за контейнерами, как отработанный материал.

Это меняло всё. Это была не драка двух равных. Это была встреча, на которой одна сторона пришла с прикрытием, с группой поддержки, с подкупленным охранником и машиной для отхода. А вторая — Соколов — пришёл один. Как наёмник. Как человек, которого послали сделать дело и которого не жалко.

Воронцов достал телефон, набрал Григорьева.

— Игорь, ты где?.. В архиве? Хорошо. Слушай сюда. Версия меняется. Наш мальчик в светлой куртке — не одиночка. Его прикрывала группа. Кавказцы, трое, на чёрном джипе. Они и охранника подкупили, чтоб не лез, и парня раненого вывезли. А Соколова бросили. Понимаешь, что это значит?.. Правильно. Соколов был исполнителем. Его наняли на эту встречу. А мальчик пришёл со своими людьми, готовый к тому, что Соколов может оказаться опасен. Только что-то у них пошло не так — оба схлопотали ножи.

Он послушал, что говорит напарник.

— Да, да. Вот именно. Так что ты в архиве копай не только, на кого Соколов работал. Копай, с кем он в последнее время конфликтовал. Кому мог перейти дорогу так, что его решили либо убрать, либо использовать втёмную. И ещё — пробей по сводкам чёрные джипы, угоны, ДТП за эту ночь, может, где засветились. А я... — Воронцов посмотрел на серое небо. — А я всё-таки поеду к коновалам. Потому что кавказцы своего раненого мальчика куда-то отвезли лечить. И вряд ли в больницу. Значит, к тому самому медику, который умеет с сердечниками. Найду медика — найду мальчика. А найду мальчика — найду и папу, который, чую, за всем этим и стоит.

Он убрал телефон, затушил сигарету.

Кавказский след, на который так старательно указывал администратор и который теперь подтвердил охранник, был настоящим. Но он вёл не туда, куда все думали. Не к убийцам-приезжим, а к организаторам, к тем, кто всё обставил. И самое поганое — Воронцов уже чуял, что

за этими организаторами стоит кто-то с большими деньгами и большими связями. Кто-то, до кого добратся будет ох как непросто.

«Мажор, у которого папа всё купил, — вспомнил он слова охранника. — Ну-ну. Посмотрим, что твой папа купил на этот раз. И хватит ли у него денег, чтоб купить ещё и меня».

Машина закашляла, заворчала и тронулась с места под нескончаемым осенним дождём.

ГЛАВА 4. КАВКАЗСКИЙ СЛЕД

К вечеру дождь наконец выдохся, превратившись в мелкую водяную пыль, что висела в воздухе и оседала на лицо холодной испариной. Воронцов сидел в отделе, в своём прокуренном кабинете, и грел руки о кружку с остывшим чаем. Напротив, устроился Григорьев — свежий, как огурчик, разве что воротник рубашки чуть помялся. Молодость, чёрт бы её побрал. Восемнадцать часов на ногах, а ему хоть бы что.

— Ну, докладывай, юрист, — Воронцов отхлебнул из кружки и поморщился: чай был холодный и горький, как вся его жизнь. — Что в архивах накопал? И главное — как на тебя смотрели, когда ты Соколова поминал?

Игорь раскрыл блокнот.

— А смотрели интересно, Александр Сергеевич. Дело по тяжким, за которое Соколов условный получил, я поднял. Так вот, потерпевший там — некий предприниматель, мелкий, торгующий стройматериалами. Соколов ему рёбра пересчитал три года назад. Долг выбивал. Но самое любопытное не это.

— А что?

— А то, что, когда я в картотеке Соколова пробивал по оперативным учётам, всплыло, что он последние два года плотно тёрся возле одной группы. Этнической. — Григорьев перевернул страницу. — Та самая компания, на которую администратор стрелки переводил. Кавказцы. Только не простые гуляки. Это, Александр Сергеевич, бригада. Занимаются всем понемногу: долги, охрана, рынки, недвижимость с нажимом. Старший у них — некий Тимур Асланович Бекоев. Личность известная в узких кругах. И Соколов на эту бригаду работал. Внештатно. Был у них на подхвате — как раз для грязной работы.

Воронцов медленно поставил кружку.

— Так-так. То есть Соколов — человек Бекоева. И в ночь убийства возле клуба тёрлась бригада Бекоева, которая подкупила охранника и вывезла раненого мальчика. — Он потёр виски. — Игорь, ты понимаешь, что это значит? Это значит, что Соколов и кавказцы — на одной стороне. Они свои. А я-то решил, что Соколов — наёмник, которого мальчик с папой против бригады выставили. А выходит, наоборот.

— Получается, бригада Бекоева обеспечивала встречу для своего же человека? — нахмурился Григорьев. — Зачем тогда они Соколова бросили подыхать за контейнерами?

— Вот именно — зачем? — Воронцов закурил, прищурился сквозь дым. — Если Соколов свой, человек бригады, то его бы вынесли первым. А они вынесли мальчика, а Соколова кинули. Своего кинули. — Он замолчал, прокручивая в голове. — Либо Соколов перестал быть своим. Либо... он на этой встрече и был мишенью. Понимаешь, Игорь? Может, бригада Соколова и заманила. Под видом обычной стрелки. А на деле — приговорили. Свои же.

Григорьев задумался.

— Но тогда кто такой мальчик в светлой куртке? Если кавказцы пришли валить Соколова — при чём тут богатый сердечник?

— А вот это, друг мой, и есть та самая загвоздка. — Воронцов встал, прошёлся по кабинету. — Давай не будем спешить. Кавказский след — он настоящий, тут не отвертишься. Бекоев, Соколов, бригада — это всё реально. Но меня смущает, как нам этот след подсовывают. Администратор — сразу: «кавказцы, кавказцы». Охранник — тоже: «подошёл кавказец, заплатил». Слишком в одну дуду. Будто кто-то очень хочет, чтобы мы взяли Бекоева за жабры и успокоились. Закрыли дело на удобной этнической бригаде.

— Думаете, подстава?

— Думаю, полуправда, — Воронцов остановился у окна. — Самая опасная штука на свете. Не ложь, а правда, повернутая нужным боком. Да, Бекоев замешан. Но он, чую, не глав-

ный. Он — инструмент. Как Соколов. Кто-то использовал бригаду втёмную или нанял её. А все улики аккуратно ведут к кавказцам — мол, разборки приезжих, дело житейское, спишем и забудем.

Он повернулся к напарнику.

— Вот тебе и проверка на вшивость, Игорь. Легко сейчас взять Бекоева, тряхнуть его, оформить «межэтнический конфликт со смертельным исходом» — и начальство по головке погладит, и галочка, и приезжих можно красиво в сводку вписать. Все довольны. Только это будет туфта. Потому что вопрос «кто такой мальчик в светлой куртке и почему его берегли» — повиснет в воздухе.

В дверь без стука заглянул дежурный.

— Воронцов, тебя к Бекоеву зовут. Его час назад патруль на чёрном джипе тормознул, по твоей же ориентировке. Сидит внизу, в обезьяннике. Адвоката требует.

Воронцов и Григорьев переглянулись.

— Лёгко на помине, — хмыкнул Воронцов. — Ну пойдём, глянем на главного подозреваемого, которого нам так старательно сватают.

Бекоев оказался не таким, каким Воронцов его представлял. Не громила, не уголовник со звериной мордой. Спокойный, лет сорока, в дорогом, но неброском пальто, с той самой аккуратной бородкой. Сидел ровно, держался уверенно, без суеты. Битый человек, понимающий, как устроена система.

— Тимур Асланович, — Воронцов сел напротив, не торопясь. — Не будем играть в «я не я и лошадь не моя». Ваш джип, ваши люди возле «Палладиума» этой ночью. Ваш человек Соколов в реанимации с двумя дырками. Рассказывайте.

Бекоев чуть улыбнулся, без всякого страха.

— Начальник, я буду говорить только при адвокате. Но одно скажу бесплатно, по-человечески. — Он наклонился чуть ближе. — Соколов мне никто. Был на подхвате, да. Но в ту ночь он на меня не работал. Меня попросили. Понимаешь? Попросили постоять, обеспечить, чтоб никто не помешал встрече. И вывезти одного человека, если что. Я согласился. За деньги. Кто попросил — при адвокате скажу, если будет нужно. Но это не мои разборки. Я тут — извозчик. Грязную работу на меня вешать не дам.

Воронцов внимательно смотрел на него. Бекоев не врал — по крайней мере, в главном. Слишком спокоен был для того, кто заказал поножовщину. Так держатся не заказчики, а исполнители второго плана, которым есть чем торговаться.

— А мальчик, которого вы вывезли? — спросил Воронцов. — В светлой куртке. Раненый. Куда дели?

Бекоев чуть прищурился, оценивая, что можно сказать без адвоката.

— Отвезли куда сказали. К доктору. Сдали с рук на руки. Дальше не моё дело.

— К какому доктору? Адрес.

— При адвокате, — Бекоев откинулся назад. — Всё при адвокате, начальник. Я не дурак. Но ты копай, копай. Только не там, где тебе хочется. Я не главный. Я маленький человек.

Воронцов вышел из обезьянника в коридор, Григорьев за ним.

— Ну что, Александр Сергеевич? — спросил молодой.

— А то, что я был прав, — Воронцов закурил прямо в коридоре, плюнув на таблички. — Бекоев — извозчик. Его наняли. И обеспечивать встречу, и вывозить мальчика. То есть кавказцы — не сторона конфликта. Они услуга. Кто-то третий заплатил Бекоеву, чтоб тот организовал площадку, охрану и эвакуацию. И этот третий — он по другую сторону баррикад от Соколова.

— Значит, Соколов всё-таки был мишенью? — Григорьев записывал.

— Похоже на то. Смотри, как красиво. Соколова выманивают на встречу. Бекоева нанимают обеспечить. Мальчик в светлой куртке приходит — и в проулке что-то происходит. Соко-

лова режут. Но и мальчик получает своё — видать, Соколов тоже не лыком шит, успел зацепить. И вот тут самое интересное: кого спасают? Мальчика. Кого бросают? Соколова. Значит, мальчик — фигура ценная. Ради него всё и затевалось. А Соколов — тот, кого надо было убрать.

Он выпустил дым в потолок.

— И знаешь, что меня грызёт? Зачем богатому, ценному мальчику с больным сердцем самому лезть в проулок резать Соколова? Для этого Бекоев со своими громилами рядом стоял. Дал бы команду — те бы Соколова в момент успокоили. А мальчик полез сам. Сам. И сам схлопотал. Это не похоже на холодную ликвидацию. Это похоже на... — Воронцов задумался, — на личное. На то, что у мальчика с Соколовым свои счёты. Такие, что он сам, своими руками захотел. Не доверил.

— Личная месть? — предположил Игорь.

— Может быть. А может, Соколов знал про мальчика что-то такое, что нельзя было доверять чужим рукам. — Воронцов затушил окурочок о подошву. — В любом случае, теперь у нас две дороги. Первая — лёгкая и грязная: оформить Бекоева, написать про межэтнические разборки, закрыть дело. Начальство будет в восторге. Вторая — тяжёлая и правильная: найти мальчика, найти того, кто заплатил Бекоеву, и понять, за что резали Соколова. И вот эта вторая дорога, Игорь, ведёт куда-то очень высоко. Туда, где деньги и связи.

— Что выбираем? — спросил Григорьев, хотя по лицу было видно, что ответ он знает.

Воронцов усмехнулся.

— А ты как думаешь? Я восемнадцать лет неудобные дороги выбираю. Что мне теперь, на старости лет переучиваться? — Он хлопнул напарника по плечу. — Бекоева пока придержим. Пусть посидит, остынет, адвоката своего дожждётся. Он нам ещё имя заказчика выдаст — не сейчас, так на торге. А мы с тобой займёмся мальчиком. У нас есть редкая кровь, дорогое сердечное лекарство и кавказцы, которые сдали раненого «доктору». Доктор — это наш подпольный хирург. Завтра с утра объезжаю частные клиники и знакомых коновалов. Кто-то этой ночью зашивал бледного богатого парня с дыркой в боку и проблемами с сердцем.

Он направился к выходу, на ходу натягивая мокрую куртку.

— А ты, Игорь, пробей мне всё по Бекоеву: с кем он в последний год дела вёл, на кого работал, кто его «попросить» мог. Ищи деньги. Большие деньги. Потому что мелочь Бекоева не наняла бы — он сам не из дешёвых. — Воронцов остановился в дверях. — И запомни, юрист: когда тебе слишком настойчиво суют один след — кавказцев, приезжих, удобных чужаков, — почти всегда настоящий зверь сидит совсем в другой норе. В чистенькой такой норе, с кондиционером и охраной. И вот к нему-то нам и предстоит докопаться.

Он вышел в сырую осеннюю ночь. Где-то в городе подпольный хирург считал ночную выручку. Где-то приходил в себя после операции бледный богатый мальчик с редкой кровью. А где-то в дорогом кабинете сидел человек, заплативший Бекоеву, и думал, что чужие приезжие руки надёжно укрыли его от правды.

«Кавказский след, — думал Воронцов, садясь в машину. — Хороший след. Только ведёт он не к тем, на кого все показывают. А к тому, кто на них показывать заставил».

ГЛАВА 5. СВОДКИ БОЛЬНИЦ

Утро выдалось такое же серое, как и всё последнее время. Воронцов проснулся в шесть, в своей пустой однокомнатной квартире, где из мебели остались только те предметы, что не забрала бывшая жена при разводе. Кровать, шкаф, стол, два стула да старый телевизор, который он почти не включал. Он выкурил первую сигарету натошак, сварил кофе в помятой турке, постоял у окна, глядя на мокрые крыши. И поехал работать.

План на день был простой, но муторный — объехать все частные клиники и медцентры города, какие он знал. А знал он немало. За восемнадцать лет в его записной книжке скопилось столько адресов и фамилий, что хватило бы на небольшой справочник. Воронцов не верил в чудеса и в озарения. Он верил в ноги. В то, что любое дело раскрывается не гениальной догадкой, а тупой, упрямой, методичной работой. Обойти, спросить, надавить, проверить. И снова обойти.

Первая клиника — «Медэкспресс» на окраине. Стекланный фасад, евроремонт, ресепшн с улыбочивой девочкой. Воронцов показал удостоверение, и улыбка с девочки сползла, как краска под дождём.

— Главврача мне. И журнал поступлений за позавчерашнюю ночь.

Главврач, холёный мужчина в очках, разводил руками: ножевых не было, всё чисто, проверяйте. Воронцов проверил. Полистал журнал, поговорил с дежурной сменой, заглянул в процедурные. Пусто. Здесь работали честно — слишком на виду, слишком дорожили лицензией. Не та контора, где зашивают бандитов за наличку.

Вторая клиника. Третья. К полудню Воронцов объехал шесть. Везде одно и то же — чисто, гладко, никаких ножевых. Он и не ждал, что раненого приняли в нормальной клинике с документами. Но методика требовала исключить очевидное, прежде чем лезть в тёмные углы. Отсесть лишнее. Сузить круг.

В обед он заехал в забегаловку, взял пельменей и чая, позвонил Григорьеву.

— Игорь, как там Бекоев и его заказчик? Накопал чего?

— Кое-что есть, Александр Сергеевич, — голос напарника звучал бодро. — По Бекоеву пробил связи. Бригада в последний год плотно работала на одну строительную фирму. «СтройГарант». Выбивали участки, давили мелких конкурентов, отжимали землю. И знаете, кто владец «СтройГаранта»?

— Удиви меня.

— Некий Аркадий Львович Мерзляков. Крупный застройщик. Депутат городского собрания, между прочим. Человек с деньгами, связями и репутацией. В газетах — благотворитель, меценат, всё как положено. А по факту — землю под собой гребёт всеми способами, и бригада Бекоева у него на подхвате для грязных дел.

Воронцов отложил вилку. Депутат, застройщик, благотворитель. Вот она, чистенькая нора с кондиционером.

— Хорошо, Игорь. Очень хорошо. А у этого Мерзлякова, часом, нет сынка? Молодого, болезненного, бледного?

— Вот тут пока глухо, — признался Григорьев. — Личную жизнь его копаю, но он её прячет. Семья непубличная. Жена есть, а про детей в открытых источниках — ничего. Но я нарою, дайте время.

— Рой, — кивнул Воронцов. — Только аккуратно. Мерзляков — фигура. Начнёшь топорно — он сразу почует, что мы возле него ходим. А нам пока рано светиться. Я тут по клиникам мотаюсь, скоро на коновалов перейду. Вечером сверимся.

Он доел пельмени, допил остывший чай и поехал дальше. Но теперь — не по официальным клиникам. Теперь начиналась настоящая работа. Воронцов направился по адресам, кото-

рых не было ни в каких справочниках. По тем местам, где лечат тех, кто не хочет лечиться легально.

Первый адрес — стоматология в подвале жилого дома. Вывеска приличная, а на деле прикрытие. Воронцов знал хозяина, некоего Гогу, который под видом зубов латал, и кое-что посерьёзнее. Гога при виде опера побледнел, замахал руками: что вы, что вы, я только зубы, никаких ножевых, клянусь мамой. Воронцов смотрел на него тяжело, молча, целую минуту. Гога потел. Но врал, похоже, не во всём — ножевого с больным сердцем у него точно не было. Кишка тонка такого взять, духу не хватит. Гога — мелочь.

Второй адрес — частный кабинет в спальном районе. Третий — какая-то контора при морге, где патологоанатом подрабатывал на живых. Воронцов обходил их одного за другим, выстраивая в голове карту городского подполья. Везде он задавал один и тот же вопрос: кто из коллег умеет работать с сердечниками? Кто настолько хорош, что возьмётся резать человека с больным сердцем и не уморит его?

И постепенно, из обрывков, из недомолвок, из испуганных взглядов начало вырисовываться одно имя. Его называли неохотно, понизив голос, оглядываясь. Доктор. Просто Доктор, без фамилии. Бывший хирург из областной больницы, говорили одни. Кардиохирург, поправляли другие. Поперли его лет пять назад — то ли пациент у него на столе помер по пьяни, то ли что похуже. Руки золотые, а характер дрянной и водка сгубила. Но дело знает. Берёт дорого. И работает только с теми, кого приводят по рекомендации. Случайных с улицы не принимает.

— А найти его где? — спрашивал Воронцов.

И тут все разводили руками. Никто не знал точного адреса. Доктор был осторожен. К нему привозили, его не искали. Он сам выбирал, кого лечить.

К вечеру Воронцов вымотался вконец. Колени ныли от лестниц и подвалов, в горле першило от сигарет, голова гудела от лиц и голосов. Но он был доволен. День прошёл не зря. Он отсек лишнее и нащупал главное. Есть Доктор. Бывший кардиохирург, спившийся, но с золотыми руками. Единственный в городе, кто мог зашить богатого мальчика с больным сердцем. Осталось его найти.

Он сидел в машине у обочины, курил и думал. Как выйти на человека, у которого нет адреса и которого приводят только по рекомендации? Через клиентов. Через тех, кого Доктор лечил. Бандиты, беглые, раненые в разборках — все они проходили через его руки. Кто-то из них должен знать дорогу.

Зазвонил телефон. Григорьев.

— Александр Сергеевич, есть! Накопал по сыну Мерзлякова. Зовут Артём. Артём Аркадьевич Мерзляков, двадцать шесть лет. И вот тут самое интересное — он действительно болеет. С детства порок сердца. Перенёс несколько операций, состоит на учёте в кардиоцентре. Я через знакомую в регистратуре пробил — ему постоянно выписывают то самое антиаритмическое, дорогое, импортное. То самое, что Лидия Петровна в крови нашла!

Воронцов медленно выдохнул дым.

— Вот оно, Игорь. Сошлось. Артём Мерзляков. Сын депутата-застройщика. Больное сердце с детства, редкое лекарство. Это наш мальчик в светлой куртке. Других вариантов нет.

— Получается, сын Мерзлякова сам, лично, ножом резал бандита Соколова в проулке за клубом? — в голосе Григорьева звучало недоверие. — Зачем сыну депутата самому в это лезть? У папы вон бригада Бекоева есть, деньги, связи. Послал бы людей — и всё.

— Вот это, Игорь, и есть главный вопрос всего дела, — Воронцов затушил сигарету. — Почему мальчик полез сам. Не послал, не доверил, а сам, своими больными руками, рискуя сердцем, рискуя жизнью, пошёл в тёмный проулок резать битого бандита. Это не бизнес. Это не отжим земли. Это что-то очень личное. Такое, что нельзя доверить никому. Даже папиной бригаде.

Он помолчал, глядя в темноту за окном.

— И знаешь, что я тебе скажу? Чем больше я об этом думаю, тем меньше мне нравится роль Соколова в этой истории. Мы привыкли думать, что Соколов — жертва. Его, мол, заманили и приговорили. А что, если наоборот? Что, если этот битый бандит чем-то так допёк семью Мерзляковых, что даже больной мальчик не выдержал и сам пошёл с ним разбираться? Что Соколов сделал такого, за что его не просто заказали, а захотели зарезать лично?

— Шантаж? — предположил Григорьев.

— Может, шантаж. Может, угрозы. Может, он семье угрожал. Соколов же выбивала, он на угрозах собаку съел. — Воронцов завёл машину. — Но это всё домыслы. Мне нужны факты. А факты сейчас — у Доктора, который зашивал мальчика. И у самого мальчика. Завтра я Доктора найду, костями лягу, но найду. А ты, Игорь, копай связь между Соколовым и Мерзляковыми. Где они могли пересечься. Может, Соколов на «СтройГарант» работал и что-то узнал. Может, мелкий конфликт перерос в большой. Ищи точку, где их дорожки сошлись.

— Понял, Александр Сергеевич.

— И вот ещё что, — Воронцов помедлил. — Про Мерзлякова — пока тихо. Никому в отделе ни слова. Депутат, благотворитель — у него везде уши. Узнает, что мы на его сына вышли, — такую машину против нас запустит, что мы и охнуть не успеем. Дело либо отберут, либо развалят. Так что копаем тихо. Понял? Только ты и я.

— Понял. А если начальство спросит, как продвигается?

— А начальству скажем, что отрабатываем кавказский след. Бекоева, бригаду. Им это понравится — удобная версия, приезжие, межэтническое. Пусть думают, что мы по накатанной идём. А мы тем временем будем копать вглубь. — Воронцов усмехнулся в темноте. — Иногда, Игорёк, чтобы найти правду, надо сделать вид, что ищешь то, что всем удобно.

Он положил трубку и поехал домой через ночной город. Дождь снова усилился, размывая огни фонарей в длинные дрожащие полосы. Воронцов вёл машину медленно, привычно, думая о деле.

Картина почти сложилась. Артём Мерзляков, больной сын богатого папаша, по какой-то причине лично пошёл резать бандита Соколова. Бекоев со своей бригадой обеспечивал встречу и вывез раненого мальчика. Доктор его зашил. Папа-депутат, надо полагать, обо всём знает и теперь замечает следы — снятые документы Соколова, подкупленный охранник, удобный кавказский след. Всё указывало на одно: на семью Мерзляковых.

Но оставалась дыра. Главная дыра. Почему. Почему мальчик полез сам. Что между ним и Соколовым произошло такого, что больной сердечник взял нож и пошёл на встречу, готовый убивать. Без этого «почему» всё дело рассыпалось на догадки.

«Завтра, — думал Воронцов, паркуясь у своего дома. — Завтра найду Доктора. А Доктор, голубчик, мне много чего расскажет. Хирурги, они ведь как священники — через них всё проходит. И раны, и тайны. Особенно когда хирург пьёт и боится тюрьмы».

Он поднялся в свою пустую квартиру, не зажигая света, прошёл на кухню. Налил пол-стакана водки, выпил залпом, поморщился. Закусывать не стал. Сел у окна, закурил, глядя на мокрый ночной двор.

Где-то в дорогом особняке зализывал раны больной мальчик Артём. Где-то в реанимации боролся за жизнь бандит Соколов. Где-то спал спокойным сном депутат Мерзляков, уверенный, что деньги и связи укрыли его семью от любой беды. А где-то прятался спившийся хирург по прозвищу Доктор, который знал куда больше, чем кто-либо другой.

«Чужая кровь, — думал Воронцов, докуривая. — Все в ней перемазались. И мальчик, и папа, и бандит, и кавказцы. А мне теперь — разгрести. Как всегда».

Он затушил окурок, допил остатки водки прямо из горлышка и пошёл спать. Завтра предстоял тяжёлый день. Но Воронцов знал — он уже на верном пути. Тонкая ниточка, которую он тянул третьи сутки, начинала вытягивать на свет что-то большое и грязное. И останавливаться

он не собирался — несмотря ни на депутатские связи, ни на удобные версии, ни на усталость в старых костях.

Потому что иначе он не умел. Восемнадцать лет.

ГЛАВА 6. ПОДПОЛЬНЫЙ ХИРУРГ

Доктора Воронцов нашёл к обеду следующего дня. Нашёл так, как и предполагал, — через клиентуру. Был у него на примете один старый знакомец, мелкий наркоторговец по кличке Шнур, которому Воронцов когда-то скостил срок в обмен на полезность. Шнур и сейчас оказался полезным. Поломавшись для вида, поныв про то, что «стучать западло», он за две сотни и обещание не вспоминать про его делишки месяц-другой выдал адрес. Доктор, по его словам, жил и работал в частном секторе на окраине, в старом доме за глухим забором. Туда привозили тех, кого нельзя было везти в больницу.

— Только ты, начальник, аккуратнее с ним, — предупредил Шнур, пряча деньги. — Доктор — он мужик ушлый. И крышует его кто-то серьёзный. Иначе бы его давно прикрыли. Он не первый год работает, а ни разу не сел. Думай сам, что это значит.

Воронцов думал. И мысль ему не нравилась. Если Доктора кто-то крышует, и крышует серьёзно, то этот «кто-то» вполне мог оказаться тем самым человеком, к которому вели все ниточки. Тем, кто гребёт землю и держит на подхвате бригаду Бекоева. Удобно ведь иметь карманного хирурга — для своих, для тех, кого нельзя светить в больницах.

Дом он нашёл легко. Покосившийся забор, за ним — крепкий ещё, но запущенный кирпичный дом с зашторенными окнами. Во дворе — старая иномарка, ухоженная, не вяжущаяся с общей разрухой. Воронцов оставил машину за углом, прошёлся вдоль забора, оценивая. Калитка, звонок, камера над входом — маленькая, незаметная, но Воронцов её приметил. Доктор себя берёт.

Он не стал звонить и представляться. Подождал. Терпение — главное оружие опера, не пистолет и не корочки, а именно терпение. Воронцов умел ждать часами, сливаясь с серым осенним пейзажем, как старый кот у мышиной норы.

Ждать пришлось недолго. Часа через два калитка открылась, и из неё вышел мужчина. Лет пятидесяти пяти, сухой, жилистый, с серым нездоровым лицом и красноватыми, как у всех пьющих, глазами. Одет неряшливо — старый свитер, мятые брюки. Но руки — Воронцов сразу обратил внимание на руки — были чистые, ухоженные, с коротко стриженными ногтями. Руки хирурга. Какая бы ни была разруха вокруг и внутри человека, руки своего ремесла он берёт.

Доктор запер калитку, поёжился от сырости и двинулся в сторону магазина — видать, за привычной бутылкой. Воронцов выждал, дал ему отойти от дома и пошёл навстречу, неторопливо, будто случайный прохожий.

— Здравствуйте, — сказал он, поравнявшись. — Закурить не найдётся?

Доктор машинально полез в карман, протянул мятую пачку. И в этот момент Воронцов раскрыл удостоверение — спокойно, без нажима, держа его прямо перед лицом хирурга.

— Старший оперуполномоченный Воронцов. Александр Сергеевич. А вы у нас, надо полагать, тот самый Доктор. Который зубы лечит. И не только зубы.

Хирург застыл. Лицо его, и без того серое, стало совсем землистым. Но в глазах не было паники — была усталость. Усталость человека, который давно ждал этого момента и почти ему обрадовался.

— Документы есть? — глухо спросил он, хотя уже всё понял.

— Есть. Только мы с вами, Доктор, разговаривать будем не на улице под дождём. И не в отделе. Пока — не в отделе. — Воронцов кивнул в сторону дома. — Пойдёмте к вам. По-человечески поговорим. Чаю выпьем. Или чего покрепче — у вас наверняка найдётся.

Хирург помолчал, глядя на опера тяжёлым взглядом. Потом усмехнулся — криво, безрадостно.

— А выбор у меня есть?

— Выбор есть всегда, — Воронцов закурил протянутую сигарету. — Просто иногда он невелик. Пойдёмте, Доктор. Я вам зла не желаю. Мне от вас другое нужно.

В доме было неожиданно чисто и пахло спиртом — не водкой, а медицинским. В одной из комнат Воронцов краем глаза заметил настоящий операционный стол, бестеневую лампу, шкаф с инструментами и медикаментами. Подпольная операционная, оборудованная не хуже районной больницы. Кто-то вложил в это место хорошие деньги.

Они сели на кухне. Доктор достал из холодильника початую бутылку, два стакана. Воронцов от выпивки отказался жестом — не время, — но хирург налил себе, выпил залпом, и руки его при этом не дрожали. Привычка.

— Слушаю вас, — сказал Доктор, утерев губы.

— Позавчера ночью, под утро, к вам привезли раненого, — без обиняков начал Воронцов. — Молодой мужчина, лет двадцати шести. Колото-резаная рана в боку. Привезли его кавказцы, на чёрном джипе. И этот мужчина — особенный. У него больное сердце. Порок, который он лечит дорогим импортным антиаритмическим препаратом. Вы его зашивали и не могли не учесть это сердце, иначе бы он у вас на столе помер. Так было?

Доктор молчал, разглядывая пустой стакан. Долго. Воронцов не торопил. Наконец хирург поднял глаза.

— А если я скажу, что не понимаю, о чём речь?

— Тогда я разочаруюсь, Доктор, — спокойно ответил Воронцов. — Я ведь к вам пришёл по-хорошему. Один. Без группы захвата, без понятых, без протокола. Мог бы нагрянуть с обыском, всю вашу операционную по винтику разобрать, вас в наручниках вывести при соседях. У меня оснований — выше крыши. Незаконное предпринимательство, незаконный оборот сильнодействующих, неоказание... да я вам тут статей на десять лет наберу за полчаса. И крыша ваша, кто бы она ни была, в этот раз вас не отмажет. Потому что дело серьёзное — поножовщина с тяжкими, человек в реанимации между жизнью и смертью.

Он наклонился чуть ближе.

— Но мне это не нужно. Мне не нужны ни вы, ни ваша операционная, ни ваша крыша. Мне нужен один-единственный факт: кого вы зашивали той ночью. Назовёте — и я уйду. И забываю про этот дом. Будете молчать — поедem в отдел, и тогда уже всё закрутится по полной. Выбирайте, Доктор. Вы человек умный, я вижу. Когда-то были хорошим врачом. Что случилось-то? Запили?

Хирург горько усмехнулся, налил себе ещё.

— Пациент у меня умер. На столе. Лет шесть назад. Мальчишка, восемнадцать лет, аппендицит банальный. А я... — он замолчал, выпил. — Я был с похмелья. Руки дрожали. Не справился. Хотя должен был — операция-то пустяковая. Выгнали с волчьим билетом, уголовное завели, еле отмазался. С тех пор — вот. — Он обвёл рукой кухню, дом, всю свою пропавшую жизнь. — Лечу тех, кого больше никто не лечит. И спиваюсь. Логично, да?

— Логично, — кивнул Воронцов. Он не лукавил, ему и впрямь было по-человечески жаль этого сломанного человека. — Но я не за исповедью пришёл. Тот парень с больным сердцем. Был он у вас?

Доктор долго смотрел в стакан. Потом, словно решившись, заговорил — тихо, будто сам себе:

— Был. Привезли под утро, часов в пять. Трое крепких, кавказцы. И с ними — он. Парень молодой, бледный как полотно. Не только от кровопотери — от страха и от сердца. Рана в боку, по касательной, повезло ему — внутренние органы не задеты, мышцу распорол и всё. Но крови потерял прилично. И главное — аритмия началась, сердце частило, сбивалось. Я сразу понял — сердечник. Спросил, что принимает. Он мне название препарата назвал — я по нему и понял, что диагноз серьёзный, врождённый. Зашил я его аккуратно, под местной

анестезией, поосторожнее, чтоб сердце не сорвать. Капельницу поставил, дал отлежаться пару часов. Потом его забрали.

— Имя он называл? — Воронцов подался вперёд.

— Имён у меня тут не называют, начальник, — Доктор покачал головой. — Такое правило. Я не спрашиваю, мне не говорят. Так все живы-здоровы. — Он помолчал. — Но... кое-что я слышал. Когда его привезли, он в полубреду был, от боли и слабости. И один из этих, кавказцев, ему говорил: «Артём, держись, Артём, потерпи, сейчас доктор всё сделает». Артём. Вот это имя я слышал.

Воронцов внутренне выдохнул. Последнее подтверждение. Артём Мерзляков. Теперь сомнений не осталось.

— А ещё что-нибудь? — спросил он. — Может, парень в бреду что говорил? Может, кавказцы между собой что обсуждали?

Доктор задумался, наморщив лоб, вспоминая.

— Парень... он, когда я его зашивал, всё бормотал. Бредил почти. Повторял одно и то же. — Хирург поднял на Воронцова мутные глаза. — «Это за сестру. Это за Катю. Я должен был. За Катю». Вот так. «За сестру, за Катю». Раз десять, наверное, повторил. Я подумал — горячка, мало ли что в бреду несут. А кавказцы на него цыкали, чтоб молчал.

Воронцов замер. Вот оно. Вот это самое «почему», которого не хватало все эти дни. Не бизнес, не отжим земли, не деньги. Сестра. Катя. Месть за сестру.

— Сестра, — медленно повторил он. — За сестру. Точно так и говорил?

— Точно. «Это за сестру, за Катю, я должен был». — Доктор пожал плечами. — Что это значит — не знаю и знать не хочу. Меньше знаешь — дольше живёшь, особенно в моём положении.

Воронцов откинулся на спинку стула, прокручивая в голове. Картина наконец-то обрела недостающее звено. Мальчик пошёл резать Соколова сам, лично, потому что это была месть. Личная, выстраданная. За сестру по имени Катя. Соколов, битый бандит, выбивала, что-то сделал с этой Катей. Что-то такое, за что больной брат взял нож и пошёл убивать, не доверив дело никому.

— Доктор, — сказал он медленно, — а парень — он как, выживет? Рана-то не смертельная?

— Рана — нет. Зашил чисто, заживёт. — Хирург помрачнел. — А вот сердце... Сердце у него никуда. Такой стресс, такая кровопотеря, да ещё нервы — это для его сердца удар. Я ему прямо сказал, тем, кто забирал: парню нужен покой, наблюдение, иначе сердце может не выдержать. Может в любой момент встать. Он на ниточке держится.

Воронцов поднялся, прошёлся по тесной кухне.

— А скажите, Доктор... вот вы говорите, вас крышуют. Не первый год работаете, а ни разу не сели. Кто крыша-то? Не тот ли, кто этого Артёма к вам привёз лечить?

Хирург напрягся, сжал стакан.

— Этого я вам не скажу, начальник. Тут уже не статьями пахнет, тут жизнью. Я лучше срок отсижу, чем язык распушу про крышу. Понимаете? Они меня из-под земли достанут. — Он посмотрел на Воронцова почти умоляюще. — Вы и так из меня вытянули больше, чем надо. Имя, бред этот про сестру. Я ж вам поверил, что вы уйдёте. Уйдите. Прошу. Не губите старика.

Воронцов смотрел на него — на этот обломок человека, на дрожащие теперь, после выпитого и пережитого страха, руки, которые когда-то умели спасать, а теперь латали бандитов в подвале. И ему было искренне жаль. Но он понимал: давить дальше — бессмысленно. Про крышу Доктор будет молчать до последнего, и его можно понять. А главное Воронцов уже получил. Имя. И мотив.

— Хорошо, Доктор, — сказал он наконец. — Слово я держу. Ухожу. Про дом ваш и про операцию — забываю. Пока. Но если понадобится как свидетель — официально,

под протокол, — найду. И вот тогда уже придётся вам и про крышу вспомнить. Но это потом. Сейчас — живите.

Он направился к выходу, но в дверях обернулся.

— И вот ещё что. Парня этого, Артёма, — если вдруг снова привезут, или узнаете, где он, как он... дайте знать. — Воронцов положил на стол визитку с номером. — Не ради того, чтоб его посадить. А ради того, чтоб он не помер. Вы же сами сказали — на ниточке держится. А мне он живой нужен. Очень нужен. Живой и говорящий.

Доктор молча смотрел на визитку, не притрагиваясь к ней.

Воронцов вышел в сырой двор, прошёл мимо ухоженной иномарки, мимо камеры над калиткой. Сел в свою машину за углом, закурил. Руки у него, в отличие от докторских, не дрожали — но внутри всё гудело от напряжения.

Он достал телефон, набрал Григорьева.

— Игорь. Нашёл Доктора. Подтвердилось всё. Парень — Артём, кавказцы его по имени называли. Рана не смертельная, зашит, но сердце слабое, может в любой момент сдать. — Воронцов помолчал, выпустил дым. — Но это не главное, что я узнал. Слушай внимательно, юрист. Мальчик, когда его резали и зашивали, в бреду повторял одно: «Это за сестру. За Катю. Я должен был». Понимаешь? За сестру. Это месть, Игорь. Личная месть. У Артёма Мерзлякова есть или была сестра по имени Катя. И Соколов что-то с ней сделал. Что-то страшное. За что брат, больной, на ладан дышащий, сам пошёл его резать.

В трубке повисла тишина — Григорьев переваривал.

— Сестра... — наконец проговорил он. — Катя Мерзлякова. Сейчас пробью. Если она есть в природе — найду.

— Найди, — жёстко сказал Воронцов. — Найди мне эту Катю, Игорь. Живую, мёртвую — какую угодно. Потому что она — ключ ко всему делу. Не Бекоев, не Соколов, не папа-депутат. А девочка по имени Катя, из-за которой больной брат взял нож. Вот где собака зарыта. Вот где настоящая правда этой чужой крови.

Он бросил трубку, затушил сигарету и долго сидел, глядя сквозь залитое дождём стекло на покосившийся забор, за которым спивался сломанный хирург, знавший слишком много и боявшийся сказать.

«За сестру, — думал Воронцов. — За Катю. Ну вот, господин хороший. Теперь я знаю, зачем ты сам полез в тот проулок. Осталось узнать — кто такая Катя. И что с ней сделал Соколов. И тогда вся эта история наконец-то перестанет быть набором фактов. И станет тем, чем и была с самого начала, — человеческой бедой».

Машина закашляла, завелась. Воронцов тронулся с места, увозя с собой имя, мотив и тяжёлое предчувствие, что самое страшное в этом деле ему ещё только предстоит узнать.

ГЛАВА 7. ИСТИННЫЙ ПОСТРАДАВШИЙ

Григорьев перезвонил через сорок минут, и по его голосу Воронцов сразу понял — нарыл что-то тяжёлое. Молодой говорил тихо, медленно, без обычной своей бодрости.

— Александр Сергеевич, я нашёл Катю. Катерина Аркадьевна Мерзлякова. Родная сестра Артёма. Была на два года младше. — Он сделал паузу. — Была. Она умерла. Полтора года назад.

Воронцов сжал руль.

— Как умерла?

— Официально — передозировка. Нашли в съёмной квартире, одну. Заключение — острое отравление наркотическими веществами. Дело тогда возбуждать не стали, списали на несчастный случай. Двадцать два года девчонке было. — Григорьев помолчал. — Но я полез глубже, Александр Сергеевич. И там не всё чисто. Совсем не всё.

— Рассказывай. Всё рассказывай.

— Я поднял материал доследственной проверки. Так вот. Катя Мерзлякова до того, как умереть, год была в отношениях с одним человеком. И человек этот — Соколов Дмитрий Аркадьевич. Тот самый. Наш потерпевший из реанимации.

Воронцов медленно выдохнул. Вот оно. Вот где сошлись дорожки.

— Соколов и дочь депутата?

— Да. Только папа об этих отношениях, судя по всему, не знал или не одобрял. Соколов — битый бандит, выбивала, на двадцать лет её старше. А она — папина дочка, из хорошей семьи. Но влюбилась, видать, по уши. Я с её подругой по телефону поговорил, представился, поспрашивал осторожно. Подруга рассказала, что Соколов Катю и подсадил. На наркотики. Сначала вместе баловались, потом она уже не могла без него и без дозы. Он её на этом и держал. Она пыталась уйти — он не пускал. Угрожал. Бил. А потом... потом её нашли мёртвой. С передозировкой.

— И подруга считает, что это не случайность.

— Подруга прямо сказала: «Катю Дима убил. Не ножом, так дозой. Он ей такую дрянь дал, что она не проснулась. А может, и нарочно передоз устроил, чтоб она не сбежала и не рассказала ничего». Но доказать ничего не смогли. Соколов на момент смерти был в другом городе, алиби железное. Дело закрыли. Семья Мерзляковых — представляете, депутат, репутация — замяла всё по-тихому. Похоронили дочь как умершую от болезни, в газеты ничего не попало.

Воронцов закурил, глядя сквозь мокрое стекло. Картина наконец сложилась целиком — страшная, человеческая, понятная до боли.

— Вот теперь всё встало на места, Игорь, — сказал он тяжело. — Слушай, как было. Жила-была дочь депутата, Катя. Красивая, домашняя, при деньгах. И связалась на свою беду с Соколовым — бандитом, выбивалой, который работал в том числе и на её отца, через бригаду Бекоева. Может, там и познакомились — Соколов к Мерзляковым по делам отца ходил, а тут дочка. Он её обработал, подсадил, привязал к себе через наркотики. Папа узнал — поздно. Девочку было уже не вытащить. А потом она умерла. И все поняли, кто виноват, но доказать не смогли. Соколов вышел сухим.

— А мстить стал не папа, а брат, — тихо добавил Григорьев.

— А мстить стал брат, — кивнул Воронцов. — Артём. Больной мальчик с сердцем на ниточке. Он сестру, видать, любил больше всех на свете. И полтора года носил это в себе. Полтора года смотрел, как убийца сестры ходит по земле, ест, пьёт, живёт — а Катя в могиле. И не выдержал. Понимаешь, Игорь? Папа-то, может, и хотел замять, забыть, жить дальше. У

него бизнес, депутатство, репутация. А мальчик не смог забыть. И решил сам. Своими руками. Потому что для него это было не про репутацию. Это было про сестру.

Он помолчал, прокручивая в голове последовательность.

— И смотри, как всё выстроилось. Артём решает убить Соколова. Но он один не справится — больной, слабый. Поэтому он идёт к отцу. Или отец сам узнаёт о его намерении. И папа... папа не отговаривает сына. Наоборот. Папа решает помочь. Он же всё может. Он подключает бригаду Бекоева — обеспечить встречу, охрану, эвакуацию. Назначают Соколову стрелку под видом деловой — может, обещают денег, может, ещё что. Заманивают в проулок за клубом. И там Артём, лично, делает то, что должен был. Мстит за сестру.

— Только что-то пошло не так, — сказал Григорьев. — Соколов оказался опытнее. Успел достать свой нож, зацепить Артёма.

— Именно. Соколов же не овца на заклание. Битый волк, чуял подвох. Пришёл вооружённый, со своим стилетом. И когда понял, что его валить пришли, — успел отмахнуться, пырнул Артёма в бок. Но и сам получил две дырки от мальчишки. Оба легли. А дальше — по плану. Бекоевские вынесли своего, ценного, Артёма, отвезли к Доктору. А Соколова бросили подыхать. Не из жестокости даже. Просто он для них был никто. Мишень. Отработанный материал.

В трубке повисло молчание. Потом Григорьев заговорил — медленно, будто сам не до конца верил тому, что говорит:

— Александр Сергеевич, но ведь это... это получается, что Соколов — не жертва. То есть формально-то он потерпевший, он в реанимации с ножевыми. Но по-человечески... по-человечески он убийца. Он девчонку погубил. А Артём — он мститель. Он за сестру пошёл. И теперь, если мы доведём дело, посадить должны будем Артёма. Больного мальчика, который мстил за убитую сестру. А Соколов, если выживет, выйдет потерпевшим. Чистеньким.

Воронцов горько усмехнулся в темноте салона.

— Вот, Игорёк. Вот ты и нащупал то, из-за чего я эту работу и ненавижу, и не могу бросить одновременно. Закон — он слепой. Закон видит так: есть гражданин Соколов, ему нанесли ножевые, он потерпевший. И есть гражданин Мерзляков, который эти ножевые нанёс, он — обвиняемый. Покушение на убийство. И плевать закону, что Соколов — мразь, сгубившая девочку. Плевать, что Артём мстил за родную кровь. Юридически всё просто: один резал, другого порезали. Виноват тот, кто резал.

— Но это же несправедливо, — вырвалось у молодого.

— А кто тебе сказал, что должно быть справедливо? — Воронцов выпустил дым. — Я тебе ещё в первый год говорил, помнишь? Справедливость и закон — это две разные вещи. Иногда они совпадают. Чаще — нет. Соколов гада сделал — Катю в могилу свёл. По справедливости, его самого судить надо было. Но по закону — он чист, доказательств нет, дело закрыто. А Артём за сестру вступился — по-человечески его понять можно, любой брат бы озверел. Но по закону он — покушавшийся на убийство. Вот тебе вся наша работа в одном деле, юрист. Распутали, докопались до правды — а правда такая, что хоть волком вой.

Он завёл машину, но не тронулся — сидел, думал.

— Слушай меня, Игорь. Теперь самое сложное начинается. До этого мы факты собирали. А теперь нам с этими фактами что-то делать надо. И вот тут начинается настоящая грязь. Потому что папа-Мерзляков — он не дурак. Он понимает: если дело раскрутить, его сын сядет. Больной сын, единственный теперь, после смерти Кати, ребёнок. И папа этого не допустит. Он будет драться. Деньгами, связями, угрозами. Всем, что у него есть. А есть у него много.

— Что будем делать?

— Пока — собирать. Тихо. — Воронцов был жёстким. — Никаких рапортов наверх, никаких докладов начальству. Мы с тобой пока единственные, кто знает всю картину. И это наш единственный козырь. Знание. Как только мы его выложим — нас тут же попытаются либо

купить, либо сломать. Так что сидим тихо, до собираем доказательную базу. Мне нужно: всё по смерти Кати, материал проверки, показания подружки — но уже официально, под протокол. Мне нужна связь Артёма с этой ночью — пусть Доктор, если припрёт, подтвердит. Мне нужен Бекоев, который заказчика назовёт. По кусочку, Игорь. По кирпичику.

— А с Соколовым что? Он же в реанимации. Если очнётся и заговорит...

— Если Соколов очнётся, он нам ничего не скажет, — Воронцов покачал головой. — Ему-то это зачем? Признать, что его за убийство девочки резали? Нет. Он будет молчать или врать — мол, напали неизвестные, ограбить хотели. Ему правда невыгодна. Так что от Соколова толку не жди. Он, если выживет, ещё и потерпевшим прикинется, защиты от государства потребует. — Воронцов усмехнулся. — Знаешь, что самое поганое? Что мне их обоих не жалко по отдельности, а вместе — жалко всех. И мёртвую Катю, которую этот гад в могилу свёл. И больного Артёма, который сам себя в петлю загоняет мстостью. И даже папу-Мерзлякова, который сначала дочь не уберёт, а теперь сына потеряет — так или иначе.

Он наконец тронулся с места, медленно поехал сквозь дождь.

— Игорь, и вот ещё что. Самое важное. Теперь, когда мы знаем мотив, мы понимаем, с чем имеем дело. Это не бандитская разборка, не межэтнический конфликт, не борьба за землю. Это семейная трагедия. Отец, дочь, сын. Любовь, наркотики, смерть, мсть. И когда такое дело попадает в руки — тут, Игорь, голову терять нельзя. Тут на эмоциях нельзя. Потому что и посадить мстителя за убитую сестру — паскудно. И отпустить человека, который пошёл резать другого, — нельзя, иначе какая мы тогда полиция. Тут надо думать. Крепко думать.

— А вы уже придумали? — осторожно спросил Григорьев.

— Нет ещё, — честно ответил Воронцов. — Но придумаю. У меня, Игорёк, восемнадцать лет за плечами таких вот неразрешимых ситуаций. И я тебе так скажу: чистого, красивого решения тут не будет. Будет компромисс. Грязноватый, кривой, но такой, чтоб совесть хоть как-то унять. Чтоб и закон формально соблюсти, и людей зря не растоптать. Где-то посередине. Я это умею. Не горжусь, но умею.

Он помолчал, потом добавил тише:

— А пока — копаем. И ждём. Потому что я тебе вот что скажу: папа-Мерзляков уже знает, что мы рядом. Чует. Такие люди всё чувствуют. И скоро он сам к нам выйдет. Не сегодня-завтра. Придёт договариваться. С деньгами или с угрозами — но придёт. И вот тогда, Игорь, и начнётся самое интересное. Тогда мы и узнаем, чего стоим — ты, я и вся наша работа.

Он бросил окуроч в приоткрытое окно, под дождь.

— А Катю жалко. Девчонку эту. Двадцать два года. Связалась не с тем человеком — и вся жизнь под откос. И ведь таких, Игорь, тысячи. Только за большинство из них никто мстить не идёт. Лежат себе тихо в земле, и дела на них закрыты «за отсутствием». А этой повезло — был брат, который любил. Хотя... — Воронцов помолчал, — какое тут везенье. Один в могиле, второй — на ладан дышит и в тюрьму смотрит. Хорошенькое везенье. Чужая кровь, Игорь. Сколько же её в этом деле. И вся — родная кому-то.

Машина свернула на проспект, вливаясь в поток мокрых огней. Воронцов вёл молча, и Григорьев на том конце провода тоже молчал — оба переваривали то, что теперь знали. Дело, начавшееся как банальная поножовщина у ночного клуба, обернулось историей о загубленной любви, о мести и о той страшной несправедливости, когда виноватый становится потерпевшим, а отомстивший за кровь — преступником.

— Завтра в отдел к девяти, — сказал наконец Воронцов. — Будем думать, как с этим жить дальше. И, Игорь... молодец. Хорошо копаешь. Из тебя выйдет толк. Если не сломаешься о такие вот дела.

— А вы не сломались, — тихо ответил Григорьев.

— Я? — Воронцов невесело хмыкнул. — Я, Игорёк, давно сломался. Просто привык так жить. Это разные вещи. Спокойной ночи.

Он отключился и поехал домой — туда, где его ждала пустая квартира, недопитая бутылка и долгая бессонная ночь наедине с чужой кровью, ставшей теперь и его болью тоже. Где-то в дорогом особняке умирал от горя и страха отец, потерявший дочь и теряющий сына. Где-то в реанимации цеплялся за жизнь человек, которого по-хорошему стоило бы судить. А где-то лежал в чужой кровати больной мститель, чьё сердце держалось на ниточке, — и эта ниточка вот-вот должна была затянуться в петлю.

«Истинный пострадавший, — думал Воронцов, паркуясь у дома. — А кто тут истинный-то? Катя в могиле? Артём с дыркой и больным сердцем? Папа, у которого вся семья под откос? Все пострадавшие. Все до одного. Кроме разве что Соколова. Этот — единственный виноватый. И единственный, кого закон будет защищать. Вот такая, брат, арифметика».

Он поднялся к себе, налил водки и сел у окна. Завтра предстояло решать, что делать с правдой, которая никому не нужна и всем опасна. А пока он просто сидел и смотрел на дождь, думая о девочке по имени Катя, которую никогда не видел живой и за которую теперь почему-то болело и его сердце.

ГЛАВА 8. ЗАКАЗ ИЛИ СЛУЧАЙНОСТЬ

Утром в отделе пахло, как всегда, — прелым линолеумом, вчерашним кофе и сыростью, которую нагоняли мокрые куртки сотрудников. Воронцов пришёл к девяти, как и договаривались, но Григорьев уже сидел за столом — свежий, выбритый, с разложенными папками. Молодой времени даром не терял.

— Не спал, что ли? — буркнул Воронцов, вешая куртку на спинку стула.

— Поспал часа три, — отозвался Григорьев. — Не до сна было, Александр Сергеевич. Я тут всю ночь материал по делу раскладывал. И знаете что? Мне теперь всё это покоя не даёт. Версия драки — она ведь окончательно рассыпалась.

— Садись, рассказывай, — Воронцов налил себе из общего чайника бурой жижи, которую тут называли чаем, и устроился напротив. — Что у тебя рассыпалось.

Григорьев развернул к нему лист бумаги — аккуратную схему, расчерченную от руки, со стрелками, именами и временными метками. Юрист до мозга костей, любил всё разложить по полочкам.

— Смотрите. С самого начала мы рассматривали это как поножовщину. Драку. Двое сцепились, оба порезались. Так? Но если разобрать по деталям — никакая это не драка. Это спланированная операция. От и до. И я вам по пунктам докажу.

— Доказывай, — Воронцов отхлебнул, поморщился. — Люблю, когда по пунктам.

— Пункт первый. Место. — Григорьев ткнул ручкой в схему. — Проулок за «Палладиумом». Глухой, тёмный, без камер, между клубом и трансформаторной будкой. Случайные драки случаются, где угодно — в зале, у барной стойки, на парковке, где люди столкнулись и завелись. А тут — конкретное место, специально выбранное. Без свидетелей, без записи. Кто-то знал, что именно там нет камер. Кто-то это место разведал заранее.

— Согласен. Дальше.

— Пункт второй. Время. Без четверти четыре утра. Клуб уже почти пустой, шумная компания — те кавказцы из зала — давно уехали. Самое глухое время. Драки спяну случаются в разгар веселья, в полночь, в час, когда народу полно и страсти кипят. А не под утро, когда все разошлись. Это время тоже выбрано. Чтоб никто не помешал.

— Логично. Третий.

— Пункт третий — и тут уже совсем не похоже на случайность. — Григорьев перевернул лист. — Охранник, Руслан. Его подкупили заранее, часа в три. Подошёл человек Бекоева, дал денег, сказал — не суйся, что бы ни услышал. То есть к четырём утра площадка была уже зачищена. Свидетеля на входе нейтрализовали загодя. Так не делают перед случайной дракой, Александр Сергеевич. Так делают перед спланированной акцией. Кто-то всё рассчитал по часам.

— По часам, — кивнул Воронцов. — Дальше давай.

— Пункт четвёртый. Группа обеспечения. — Григорьев загнул палец. — Бригада Бекоева. Трое на чёрном джипе. Они не дрались, не лезли в проулок. Они стояли в оцеплении. Охраняли встречу снаружи и держали наготове машину для эвакуации. Это не приятели, которые случайно оказались рядом и потом помогли раненому. Это группа поддержки, заранее расставленная по местам. С чёткими задачами: подкупить охрану, проследить периметр, вывезти своего. Как на военной операции.

— Тебя в армии этому учили, лейтенант? — усмехнулся Воронцов.

— В том числе, — серьёзно ответил Григорьев. — Я когда служил, посмотрелся, как операции планируются. И вот это — оно один в один. Распределение ролей, тайминг, пути отхода. Пункт пятый. Оружие. Помните, Лидия Петровна говорила — два разных ножа. У Соколова стилет, тонкий. У Артёма — что-то широкое, рубленое. Оба пришли вооружёнными.

Каждый со своим. Это не «схватили что под руку попалось в пылу ссоры». Это два человека, которые шли на встречу, заранее зная, что она может закончиться кровью. И готовились к ней.

Он откинулся на спинку стула.

— И последнее, шестое. Документы Соколова. Их сняли. Паспорт, права, телефон — всё забрали, а деньги оставили. Зачем? Чтоб затруднить опознание. Чтоб мы как можно дольше не знали, кто потерпевший. Это работа уже после нападения — кто-то из бекоевских прошёлся по карманам лежащего Соколова и вычистил всё, что могло вывести на его связи. На связь с бригадой, с Мерзляковыми. Случайные драчуны так не поступают. Они убегают. А тут — методичная зачистка следов.

Воронцов слушал внимательно, кивая. Молодой разложил всё правильно, по-юридически чётко.

— Молодец, Игорь. Шесть пунктов, и каждый бьёт в одну точку. Это не драка. Это была спланированная встреча с заранее известной целью. По сути — покушение на убийство, обставленное так, чтоб выглядеть как поножовщина.

— Вот именно! — Григорьев подался вперёд. — И это в корне меняет квалификацию, Александр Сергеевич. Если бы это была драка — там аффект, превышение пределов самообороны, обоюдная вина, статьи помягче. А если это спланированное нападение — это покушение на убийство, статья сто пятая через тридцатую. Группой лиц по предварительному сговору. Организованной группой. Потому что тут и Артём-исполнитель, и Мерзляков-организатор, и Бекоев со своими — пособники. Целая структура. От восьми лет до пожизненного.

Воронцов поставил кружку, закурил, несмотря на то что в кабинете и так было накурено.

— Вот тут, Игорёк, и начинается самое поганое. Юридически ты прав на все сто. Это покушение, организованная группа, тяжелейшая статья. По букве закона — Артёму светит лет десять, а то и больше. Папе-Мерзлякову как организатору — столько же. Бекоеву и его людям — за пособничество. Доктору, который зашивал, — укрывательство. Целую гирлянду можно навесить.

— Так в чём проблема? — не понял Григорьев. — Мы же доказываем спланированное нападение. Сажаем всех.

— Проблема, Игорь, в том, что ты рассуждаешь как юрист. Как тебя в МГУ учили. По закону. — Воронцов выпустил дым. — А я тебе как опер с восемнадцатилетним стажем скажу. Закон — это одно. А жизнь — другое. Давай посмотрим, кого ты собрался сажать на десятку. Артёма. Больного мальчика с сердцем на ниточке. Который пошёл мстить за родную сестру, убитую этим самым Соколовым. Да он до приговора может не дожить — сердце встанет в СИЗО. А если доживёт — сядет за то, что отомстил убийце сестры. Который, заметь, сам гуляет на свободе, потому что его вину доказать не смогли.

— Но закон...

— Закон, закон, — Воронцов поморщился. — Я тебе про другое. Вот смотри. Спланированное нападение — это плохо, да. Это страшнее, чем драка. Это с холодной головой, по плану, группой. Но! Кого этим планом убить хотели? Соколова. Человека, который девочку наркотиками в гроб загнал и вышел сухим. По справедливости — кто тут жертва, а кто палач?

Григорьев молчал, хмурясь. Воронцов продолжил, расхаживая по кабинету:

— Вот в чём дьявольщина этого дела, Игорь. Чем чище мы доказываем, что это был заказ, а не случайность, — тем хуже Артёму. Тем тяжелее статья. Понимаешь? Если бы это была драка, спонтанная, по горячке — мы могли бы вытянуть на самооборону, на аффект, на смягчающие. Дали бы условно или пару лет. А раз это спланированная акция — всё, никаких смягчающих. Организованная группа, предумышленное. Полный срок. И получается, чем лучше мы работаем, чем честнее раскрываем, — тем страшнее ломаем жизнь мальчишке, который и так одной ногой в могиле.

— И что теперь? — тихо спросил Григорьев. — Не доказывать? Закрывать глаза на то, что это был заказ?

Воронцов остановился, посмотрел на напарника тяжело.

— Я этого не сказал. Я никогда не говорю «закрывать глаза». Я говорю — думать. — Он сел обратно. — Смотри. У нас есть два слоя правды. Первый, юридический: спланированное покушение, организованная группа, всем по полной. Второй, человеческий: больной брат отомстил за убитую сестру, а организовал всё убитый горем отец. И эти два слоя противоречат друг другу. По закону надо одно, по совести — другое. И моя работа, Игорь, — найти, как их свести. Чтоб и закон не растоптать в грязь, и людей зря не угробить.

— Как же их свести?

— А вот тут и начинается искусство, друг мой. — Воронцов невесело усмехнулся. — Понимаешь, дело можно повернуть по-разному. Можно копать вглубь — доказать сговор, организацию, расписать всё по ролям, и тогда это монстр, организованная группа. А можно... можно остановиться на определённом уровне. Зафиксировать факт нападения, факт ранения. Но не раскручивать сговор до конца. Не доказывать роль отца. Не цеплять Бекоева как организованную группу. Оставить это как... ну, скажем, конфликт двух лиц, переросший в поножовщину. Версию подрывать.

Григорьев нахмурился.

— Но это же подлог. Мы знаем правду, а напишем по-другому.

— Не подлог, — Воронцов поднял палец. — Подлог — это когда ты факты подделываешь. А я говорю про другое. Про то, какие факты доказывать, а какие — оставить недоказанными. Это, Игорь, тонкая грань. И ты пока её не чувствуешь, потому что молодой и чистый. А я её всю жизнь нащупываю. Вот смотри: Соколов нам правду не скажет — ему невыгодно. Доктор про крышу молчит и будет молчать. Бекоев торгуется. Охранник напуган. То есть прямых доказательств сговора — кот наплакал. Всё косвенное. Бред Артёма про сестру — это не доказательство, в суд не подошьёшь. Слова докторовы — он от них откажется. Понимаешь? Дело само по себе хлипкое в части сговора. И его можно либо вытянуть в монстра, либо оставить как есть — поножовщина с неустановленными до конца обстоятельствами.

— То есть вы предлагаете...

— Я пока ничего не предлагаю, — отрезал Воронцов. — Я тебе показываю развилку. Перед нами две дороги, как я тебе и говорил. Раскрутить по полной — и сломать больного мальчишку, который мстил за сестру. Или притормозить — и тогда часть виноватых уйдёт, в том числе папа-организатор. Обе дороги поганые. Чистой нет. Я тебе сразу сказал — будет компромисс. Грязный, кривой. И мы к нему придём. Но сначала надо дождаться, пока папа сам сделает ход. А он сделает. Скоро.

Словно по заказу, на столе Воронцова зазвонил телефон. Внутренний, из приёмной начальника. Воронцов поднял трубку, послушал, и лицо его медленно расплылось в горькой усмешке.

— Понял. Иду. — Он положил трубку, посмотрел на Григорьева. — Ну, что я говорил, юрист? Лёгко на помине. Меня к начальству вызывают. Срочно. А у начальства, говорят, гость сидит. Солидный такой. На дорогой машине приехал. — Воронцов поднялся, одёрнул мятый пиджак. — Угадай с трёх раз, кто это.

— Мерзляков, — выдохнул Григорьев.

— Он самый. Папа пожаловал. — Воронцов затушил сигарету. — Вот и начинается, Игорь, самое интересное. То, ради чего, собственно, и стоит жить в этой профессии. Сейчас мне будут либо деньги предлагать, либо угрожать. А скорее — и то, и другое сразу. Тонко, культурно, по-депутатски. И от того, что я отвечу, зависит, чем всё кончится.

Он направился к двери, но обернулся.

— Ты вот что. Сиди тут и никуда не лезь. Что бы ни случилось. Это мой разговор, мой уровень. Тебе ещё рано в такие игры. И ещё — весь материал, что мы нарыли, копию сделай и припрятать. Не в отделе. Дома, у себя. Понял? На всякий случай. Если папа решит дело развалить или у нас забрать — чтоб у нас козырь в рукаве остался.

— Понял, Александр Сергеевич, — Григорьев уже сгребал бумаги. — А вы... вы там осторожнее.

— Я всегда осторожнее, — усмехнулся Воронцов. — Восемнадцать лет осторожничаю, оттого и живой ещё. Ну, пойду, послушаю, что мне предложат за жизнь и свободу больного мальчика. Любопытно даже, в какую сумму папа оценил совесть старого опера.

Он вышел в коридор и зашагал к кабинету начальства, на ходу прикидывая, как себя вести. Воронцов не первый раз шёл на такой разговор. За восемнадцать лет ему предлагали и деньги, и должности, и угрожали — всем, от тюрьмы до пули. И он давно выработал правило: на таких встречах нельзя ни сразу отказываться, ни сразу соглашаться. Надо слушать. Надо понять, чего человек хочет на самом деле и чего боится. Потому что страх — он сильнее жадности. А отец, теряющий последнего ребёнка, боится по-настоящему.

«Заказ или случайность, — думал Воронцов, поднимаясь по лестнице. — Юридически — заказ, тут двух мнений нет. Игорь всё разложил верно. А по жизни... по жизни это случайность. Случайность, что девочка влюбилась не в того. Случайность, что брат оказался с больным сердцем и горячей кровью. Случайность, что Соколов выжил, а не сдох в том проулке, — вот тогда бы и дела не было, списали бы на разборки. Сплошные случайности, из которых сложился заказ».

Он остановился перед дверью начальника, поправил воротник, сделал глубокий вдох. За этой дверью сидел человек, который сейчас будет покупать у него правду. И Воронцов ещё сам не знал, что ответит. Знал только одно: денег он не возьмёт. А вот насчёт правды — тут всё было куда сложнее. Потому что иногда, чтобы спасти живого, приходится приглушить правду о мёртвом. И с этим Воронцову предстояло как-то жить дальше.

Он толкнул дверь и вошёл.

ГЛАВА 9. ПАПА ВСЁ РЕШИТ

Кабинет начальника отдела, майора Петренко, Воронцов не любил. Не из-за Петренко — тот был человеком сносным, не злым, просто осторожным до трусости. Не любил из-за самого кабинета: новая мебель, жалюзи на окнах, кондиционер, вечно включённый даже в октябре. Кабинет человека, который давно перестал работать на улице и привык решать вопросы в тепле, не вставая со стула.

Мерзляков сидел у стола для совещаний — не напротив майора, как посетитель, а сбоку, как равный. Лет пятидесяти пяти, плотный, с гладко выбритым лицом и руками ухоженными, без мозолей. Дорогой костюм, тихий галстук, запонки. Ничего кричащего — всё говорило о деньгах без желания их демонстрировать. Воронцов таких людей знал: они не носят золотые цепи и не ездят на кричащих машинах. Они просто везде проходят без очереди.

Петренко при виде Воронцова привстал, что само по себе было необычно.

— Александр Сергеевич, вот, познакомься. Аркадий Львович Мерзляков. Депутат городского собрания, общественный деятель. — Майор говорил ровно, но Воронцов слышал в голосе напряжение. — Аркадий Львович хотел поговорить лично. По делу о поножовщине у «Палладиума».

Воронцов кивнул, придвинул стул и сел напротив гостя. Не спросил разрешения, не поздоровался церемонно — просто сел, как садятся на допросе.

— Слушаю.

Мерзляков смотрел на него спокойно. Не высокомерно, не враждебно. Изучающе. Так смотрит человек, который привык разбираться в людях и сейчас решает, с кем имеет дело.

— Александр Сергеевич, — начал он негромко. — Я приехал сюда сам. Без адвоката, без помощников. Это должно говорить вам о том, что я хочу честного разговора. Без формальностей.

— Честный разговор — это хорошо, — Воронцов достал пачку, покосился на майора. — Можно?

Петренко кивнул, хотя явно поморщился. Мерзляков не отреагировал. Воронцов закурил, откинулся на спинку.

— Говорите, Аркадий Львович. Я слушаю.

— Вы умный человек, — сказал Мерзляков. — Опытный. Вы уже, полагаю, знаете достаточно. Иначе бы меня сюда не вызвали. — Он сделал паузу. — Или вы сами пришли к тому, что я думаю, что вы знаете?

Воронцов выпустил дым.

— Пришёл. Ваш сын Артём. Поножовщина в проулке. Соколов в реанимации. Бекоев в обезьяннике. Всё это — одна история. И я её знаю.

Мерзляков не дрогнул. Только что-то чуть изменилось в глазах — не страх, нет. Скорее — усталость. Та же, что Воронцов видел у Доктора. Усталость человека, который нёс груз слишком долго.

— Значит, знаете. — Он помолчал. — Тогда вы, наверное, знаете и про Катю.

— Знаю, — коротко ответил Воронцов.

Мерзляков положил руки на стол, сцепил пальцы. Молчал несколько секунд.

— Она была... — он начал и остановился. Потом снова: — Катя была лучшим, что у меня было в жизни. Умнее Артёма, живее, светлее. Он это знал. Он её боготворил. Они были очень близки. — Голос у него не дрогнул, но говорил он медленно, осторожно, как ступают по льду. — Когда она появилась с этим Соколовым... я не сразу понял, что происходит. Думал — роман, пройдёт. Пока понял — было уже поздно. Она была подсажена. Полностью. Я пытался.

Реабилитация, врачи, частные клиники за границей. Три раза. Она возвращалась — и снова к нему. Он её держал. Не чувствами — страхом и иглой.

Воронцов курил, не перебивая. Петренко сидел тихо, как будто его не было.

— А потом её не стало, — продолжал Мерзляков. — Официально — передозировка. Я знаю, что он это устроил. Знаю, но доказать не смог. Алиби. Всё чисто. Полиция закрыла дело. — В голосе впервые мелькнула горечь, острая, как порез. — Полиция закрыла дело про мою девочку. Несчастный случай. Двадцать два года, несчастный случай.

Он поднял глаза на Воронцова.

— Артём сказал мне, что хочет сделать это сам. Я пытался его отговорить. Несколько месяцев. Говорил — нельзя, ты больной, ты себя убьёшь, у тебя сердце. Он не слушал. Он говорил, что Катя не может остаться без ответа. Что это его долг. — Мерзляков медленно провёл ладонью по лицу. — В какой-то момент я понял, что не могу его остановить. И решил хотя бы сделать так, чтобы он не погиб. Обеспечить его. Прикрыть. Вывезти, если что-то пойдёт не так.

— Но пошло не так, — сказал Воронцов.

— Пошло не так, — кивнул Мерзляков. — Соколов был опытнее. Артём ранен. Жив — и на том спасибо. Сердце держится. Пока.

Воронцов затушил сигарету о край пепельницы, которую нашёл на подоконнике. Посмотрел на Мерзлякова в упор.

— Аркадий Львович, вы сказали — хотите честного разговора. Я вас услышал. Теперь мой черёд говорить честно. Вы понимаете, что я должен делать? По закону? Ваш сын — подозреваемый в покушении на убийство. Организованная группа, предварительный сговор. Вы — организатор. Бекоев — пособник. Это очень серьёзные статьи.

— Понимаю, — ровно ответил Мерзляков.

— И вы пришли сюда не для того, чтобы сдаться. Значит — договариваться. — Воронцов наклонил голову. — Так о чём именно?

Мерзляков не отвёл взгляда.

— Я не пришёл покупать вас, Александр Сергеевич. Я видел вашу карьеру — восемнадцать лет, ни одного взыскания за коррупцию, несколько дел, которые вы раскрыли вопреки желанию начальства. Покупать вас бессмысленно. Вы не продаётесь — это не оскорбление, это уважение. — Он помолчал. — Я пришёл объяснить. И попросить.

— Объясняйте.

— Соколов жив. Он в реанимации, но выживет — врачи сказали. Если он захочет — он подаст заявление, и тогда у вас будет потерпевший. Но Соколов не подаст заявление. Потому что он знает, за что его резали. И он знает, что, если всё выйдет наружу — что он сделал с Катей, как он её держал, как она умерла, — он окажется в куда худшем положении, чем потерпевший. У него могут появиться свои проблемы. Серьёзные проблемы. — В голосе Мерзлякова не было угрозы — только констатация. — Соколов будет молчать. Это я вам обещаю.

— Значит, потерпевшего нет. — Воронцов внимательно смотрел на него.

— Без потерпевшего дело разваливается само по себе, — кивнул Мерзляков. — Бекоев не заговорит — ему тоже невыгодно. Доктор промолчит. Охранник — вы сами понимаете. У вас есть косвенные. Бред мальчика в горячке, кровь на асфальте, записи камер. Это не дело, Александр Сергеевич. Это версия. Хорошая версия, умная — я понимаю, что вы хорошо поработали. Но до суда не дотянет.

Воронцов молчал. Мерзляков продолжил.

— Я прошу вот что. Не я прошу — я отец, который потерял дочь и не хочет потерять сына. Прошу дать этому делу умереть тихо. Соколов выживет и останется при своём. Артём получит урок — страшный, тяжёлый, но живой урок. И я его не отпущу больше на подобные авантюры. Это я вам обещаю лично. — Он чуть подался вперёд. — А вы можете закрыть дело

по «нападению неустановленных лиц». Соколов без документов, свидетелей нет, потерпевший сам молчит. Это законно. Это не подлог. Просто дело без доказательной базы.

Петренко кашлянул, давая понять, что он тут тоже есть. Воронцов на него не посмотрел. Смотрел на Мерзлякова.

— И что я с этого имею?

— Ничего, — спокойно ответил Мерзляков. — Я же сказал — покупать вас не пришёл. Вы ничего не имеете. Кроме того, что мальчик с больным сердцем не сядет в тюрьму за то, что мстил убийце своей сестры. И что убийца этой сестры не выйдет из больницы потерпевшим с цветами и компенсацией.

Долгая пауза. За окном шёл дождь, и капли стучали по жалюзи ровно, как метроном.

— Значит, — медленно проговорил Воронцов, — вы пришли не с деньгами. Вы пришли с аргументами.

— Именно. И с правдой. Которую вы и сами знаете.

Воронцов встал, прошёлся к окну. Постоял, глядя сквозь жалюзи на серую улицу. Потом повернулся.

— Аркадий Львович, я вам скажу кое-что. Не для протокола и не для майора. По-человечески. — Он посмотрел Мерзлякову прямо в глаза. — Вашу дочь мне жалко. По-настоящему. Это была настоящая жертва, и виновный в её смерти гуляет на свободе. Ваш сын — дурак, но понятный дурак, и я его понимаю. Любой понял бы. Это всё — правда.

Он помолчал.

— И вот ещё правда. То, что вы сейчас сделали, придя сюда, — это был поступок умного человека. Вы не стали давить через прокуратуру, не стали звонить куда надо, не сунули конверт майору, хотя могли всё это. Вы пришли и поговорили, как человек с человеком. Я это ценю. По-настоящему.

Мерзляков молча ждал.

— Но, — Воронцов поднял палец, — я вам не скажу сейчас ни «да», ни «нет». Я не принимаю такие решения за пятнадцать минут. Это дело — моё. Я его вёл с первой ночи. И я сам решу, что с ним делать. Не вы, не майор, не ваши адвокаты. Я.

— Я это понимаю, — кивнул Мерзляков.

— Отлично. — Воронцов подошёл к столу, опёрся на него руками, навис над депутатом. — Тогда слушайте условие. Моё. Одно, и оно не обсуждается. Соколов. Он выживет, вы говорите. Хорошо. Он помолчит про то, что с ним случилось, — я это допускаю. Но я хочу, чтобы по смерти вашей дочери проверка была возобновлена. Не формальная, а настоящая. Я хочу, чтобы материалы легли на стол следователю, который занимался тем делом. Соколов виновен в гибели Кати — я в это верю. Может, доказать не получится, может, он снова выйдет сухим. Но попытка должна быть. За это, — Воронцов выпрямился, — я буду думать над вашей просьбой. Не обещаю ничего. Но буду думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.